

психологический триллер

**Репродукции
картин
малоизвестного
художника**

Михаэль Фартуш

Михаэль Фартуш

**Репродукции картин
малоизвестного художника**

«Издательские решения»

Фартуш М.

Репродукции картин малоизвестного художника / М. Фартуш —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902092-5

К молодому следователю Коршунову попадает на дорасследование дело десятилетней давности о пропаже из пионерского лагеря вожатого Дениса. Уже с самого начала Коршунов осознаёт, что это дело касается и его лично, т.к. у него начинаются видения того, что происходило в то время.

ISBN 978-5-44-902092-5

© Фартуш М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Репродукции картин малоизвестного художника

Михаэль Фартуш

Дизайнер обложки Михаэль Фартуш

© Михаэль Фартуш, 2018

© Михаэль Фартуш, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2092-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мне посчастливилось родиться в самом прекрасном месте на Земле. Наше село располагалось на одном берегу живописного озера, по другую сторону которого находился красивый хвойный лес. А еще дальше на пригорке было березовая роща. Местные жители в хвойном лесу осенью собирали маслята, а березовая роща служила источником лесных ягод и лекарственных растений. Озеро, как рассказывают старожилы, образовалось естественным путем из ключа который бил из-под земли. С этого озера начиналось небольшая речка Волк, неизвестно почему так названная. Река находилась ниже уровня озера, поэтому вода из него перетекала с помощью невысокого, но широкого водопада. У меня отложился в памяти звук падающей воды и радуга, которая образовывалась от капель. Такое зрелище забыть невозможно. Водяная мельница, которая стояла на берегу реки сразу же возле водопада была очень старой и частично разрушенной. Но мой дядя рассказывал, что её перестали эксплуатировать всего несколько лет назад. Дядя Миша и тётя Света заменили мне с братом маму и отца. Маму я помню очень смутно. И если я где-нибудь встречу её, то вряд ли узнаю. Она бросила нас, когда моему брату исполнился год и с тех пор мы её ни разу не видели. Однажды я подслушал разговор, с которого понял, что наша мама живёт в соседнем селе со своим новым мужем, но я не очень-то верю этому. Неужели за столько лет ей не захотелось посмотреть, как выросли её дети. Подозреваю, что и отцы у нас с братом разные. Ходили слухи по селу, что наша мама была очень красивой и легкомысленной. Неудивительно, что мы с братом совсем не похожи внешне. Я курчавый и темноволосый, со смуглой кожей. Мой брат голубоглазый блондин, говорят очень похожий на маму. Но ни один мужчина в селе не признавался в отцовстве. У тётки и дяди не было своих детей, поэтому, когда мама нас бросила, они с радостью взяли на воспитание меня и моего брата. Именно, тётку и дядю, я считаю своими родителями, очень ими горжусь и люблю. У меня очень мало воспоминаний из детства. Помню, как нас возили на подводе в соседнее село в школу. Помню, как с соседскими мальчишками играли в футбол на поляне за селом, а после купались в прохладной воде озера. Помню, как лазили по разрушенной мельнице, и играли в прятки в хвойном лесу, где с лёгкостью можно было укрыться, дрались один на один, дабы выяснить, кто из нас самый сильный и ловкий. Но один день отложился в моей памяти навсегда. Мне тогда было десять лет, а моему брату семь. Дядя, если у него не было много работы, очень часто брал нас на рыбалку. Озеро находилось недалеко от нашего дома, в нём водились караси и карпы, а также странная рыба, которую дядя называл красноперка. Она действительно имела красный хвост и плавники. Дядя любил рассказывать что-нибудь о своей жизни. Как он так же, как и мы учился в школе в соседнем селе, как познакомился со своей будущей женой и даже почему они не смогли завести ребёнка.

– Понимаете, некоторые женщины болеют, – он пытался популярно объяснить нам насущную проблему. – У них что-то там в организме неправильно функционирует и медицина бессильна что-либо сделать. К каким мы только врачам не обращались. А ведь очень хотели детей. Мир несправедливо устроен. Моей сестре дети совсем не нужны, но она родила вас, у неё с этим делом всё в порядке. Впрочем, видимо, есть бог на свете и он внял нашим молитвам. Теперь у нас с мамой Светой есть два прекрасных сына.

– А если мама захочет нас забрать? – задал я совсем не детский вопрос.

– Не заберёт, – уверенно ответил дядя. – Если вы сами не захотите. А вы ведь не захотите?

С этими словами дядя вопросительно посмотрел на меня с братом.

– Нет, мы останемся с тобой и с мамой Светой, – ответил я за обоих.

Мой брат вообще был очень молчаливым и замкнутым, но если он о чём-то говорил или рассуждал, то можно было сразу же заметить довольно высокий его интеллект. Об этом говорили все в селе. Я не очень-то понимал, что это за штука такая интеллект и почему обо

мне так не говорят, но предполагал, что когда брат пойдёт в школу, то будет учиться там лучше всех. Дядя нас очень любил, и хотел чтобы мы выросли настоящими мужчинами. Он был очень добродушным и весёлым этот дядя-папа Миша. В этот раз рыбалка у нас задалась на славу. Когда солнце уже садилось за горизонт, в нашем ведерке бултыхались ещё живые несколько карасей, два карпа и десятка два небольших красноперок. Дядя был очень доволен, настроение у него поднялось и он предложил нам идти домой. На обратном пути, дядя привычно что-нибудь рассказывал.

– Вот ты, Колька, когда вырастешь, станешь инженером будешь проектировать новые машины, – говорил он мне. – Ведь ты любишь что-нибудь разбирать и чинить. А нашей стране нужны толковые инженера, чтобы быстрее прийти к коммунизму.

– А ты, Серёга, – сразу же обращался он к моему брату. – Наверняка станешь великим художником. И тобой будет гордиться вся страна. У тебя же талант. Посмотри, в свои семь лет, какие красивые пишешь картины.

Действительно, я тоже гордился своим братом. Его никто не учил рисовать, но он уже написал к этому времени восемь великолепных пейзажей. Сергей рисовал по памяти и это были окружающие нас прекрасные места. И водопад, и старая мельница, и дорога, ведущая к селу, и хвойный лес, и даже наш дом, уютно расположившийся на пригорке. Мама Света очень поощряла такой вид деятельности и, несмотря на то, что жили мы очень бедно, каждые два месяца для Сергея покупались новые краски и холсты.

– Только вы, ребята, никогда в жизни не признавайтесь, что у вас мама еврейка, – заговорщицки негромко говорил дядя. – В нашей стране евреев не очень любят, хотя стараются не показывать это. Поэтому, будьте осторожны.

Я тогда ещё до конца не осознавал, что же такое быть евреем. И что это вообще такое, поэтому не очень-то всерьез воспринимал слова дяди. Для меня это казалось чем-то чуждым и малоинтересным.

– И ещё одно, пацаны, – продолжал дальше свои нравоучения папа Миша. – Будьте всегда вместе и поддерживайте друг друга. Избегайте ненадежных, случайных людей, дружите только с теми, в которых вы уверены на сто процентов.

К чему он это сказал, я только осознал через многие-многие годы. Уже возле самого дома дядя радостно сказал:

– Ну вот, мальчишки, мы и дома. Сейчас отдадим наш улов маме, она его почистит, а завтра нам сварит свою фирменную уху.

Нам не суждено было в этот раз попробовать тётушкину уху. Завтра была война.

Глава 2

Молодого следователя Виктора Коршунова начальник отдела вызывал к себе не часто. Но, если уж вызывал, то ничего хорошего от этого приглашения никогда не было. Как правило, следователи ругали за медлительность в расследовании простых дел, за несоответствие служебной должности и прочее несущественные оплошности в работе. Поэтому Виктор воспринимал походы в кабинет к начальнику очень болезненно и с опаской. Коршунов служил в отделе уже два года, ему поручали совсем простые с точки зрения криминалистики дела, как правило это были кражи, мошенничество в не очень крупных размерах, хулиганство или бродяжничество. В девяностых годах, когда страна погрузилась в пучину хаоса, криминальных разборок и передела имущества заниматься столь незначительными делами для молодого следователя было очень обидно. Но просить, чтобы ему доверили какое-нибудь громкое скандальное дело, он не решался, так как видел чем могут закончиться расследования подобных дел.

Начальник отдела Константин Иванович был очень строгим и злым мужчиной, он очень часто повышал голос на подчиненных и уже совсем не терпел когда ему возражали. Он становился взрывоопасным и мог наговорить кучу обидных вещей оппоненту. Виктора он встретил не доброжелательным взглядом и жестом попросил того сесть.

– Есть очень интересное и необычное дело, – Константин Иванович бросил пыльную папку на стол поближе к Виктору. – Можешь ознакомиться.

Виктор понял, что разговор окончен и встал, чтобы покинуть ненавистное ему помещение.

– Ты что совсем сумасшедший, – брызгая слюной зло пробурчал начальник. – Куда ты собрался? Я ещё не закончил.

Коршунов недовольно сел на место.

– Десять лет назад у нас в разработке было дело об одном пропавшем без вести, – продолжал далее Константин Иванович. – Молодой человек работал вожатым в пионерском лагере и ночью неожиданно исчез. И больше не появлялся. Мы, естественно, провели комплекс необходимых поисковых и следственных мероприятий, но самого человека, а также его тела так и не обнаружили. И вот два дня назад местные жители обнаружили недалеко от бывшего пионерского лагеря полностью разложившийся труп. Мы предполагаем, что это труп бывшего вожатого. Тебе предстоит выяснить это окончательно. Скелет находится в Бюро медицинской судебной экспертизы, нужно срочно найти мать этого молодого человека, если она еще жива, провести анализ и так далее. Обо всех этапах в следствии будешь докладывать мне лично. Вопрос очень пикантный. Дело было закрыто за недостатком улик. Выяснить сейчас, был ли это несчастный случай или совершенное преступление не представляется возможным, поэтому, пожалуйста, никакой самодеятельности. В папке ты найдешь всю информацию об этом деле.

– Мне можно съездить на место преступления? – нерешительно спросил Виктор.

– Следователь не должен задавать такие вопросы, – неодобрительно прошипел начальник. – Ты сам должен решать, что тебе делать и как. Но еще раз повторяю, никакой самодеятельности и держи меня всегда в курсе дела.

– Как дела у самого лучшего следователя в городе? – молодой журналист Антон Савелов в последнее время постоянно задавал этот ироничный вопрос Виктору, дабы его немного позлить.

Однако Коршунов никогда не поддавался на провокацию и отвечал вопросом на вопрос:

– А как поживает самый известный журналист?

На этом словесная перепалка заканчивалась. Виктор и Антон дружили уже очень давно, ещё со школьной скамьи. Один окончил Академию полиции, другой факультет журналистики

университета. Казалось, судьба должна была разлучить бывших приятелей. Но по какой-то странной и счастливой случайности, они по распределению попали в один и тот же город и снова встретились. Во время первой тёплой встречи в недорогом ресторане, друзья решили сообща снимать квартиру и жить вместе. Так было дешевле. Благо, что ни один, ни другой к этому времени не обзавелись семьями.

Намётанный взгляд Антона сразу же заметил увесистую папку на столе Виктора. Любопытный журналист подошёл поближе.

– Взял работёнку на дом? – усмехнулся он. – Разве вам можно выносить документы из отдела.

– Это дело из архива. Я подписался, что верну его в целостности и сохранности.

– Вот как! – интерес Савелова нисколько не ослабевал, но взять папку без ведома хозяина, он не решился. – Тебе поручили дорасследовать дело о громком заказном убийстве?

– Какое там! – махнул рукой Коршунов и сразу же догадался, что нужно приятелю. – Я надеюсь, ты интересуешься не с профессиональной точки зрения.

– Боже упаси! – Антон клятвенно сложил руки на груди. – Один раз я уже тебя подставил, опубликовав маленькую заметку, когда дело ещё не было закрыто. Больше этого не повторится.

– А я из-за тебя лишился премии и получил «строгача». Благо, что преступление было не очень тяжким. В противном случае, меня могли с треском уволить из органов.

– Повторяю, я совершил глупость и больше подобного совершать не буду, – виновато процедил Антон, надеясь на снисходительность своего друга.

Как же ему хотелось заглянуть в эту папку, полистать её, ознакомиться с протоколами допросов, следственных мероприятий, результатов экспертиз. Виктор наблюдал за приятелем сбоку и едва-едва усмехался. Он отлично знал своего друга и понимал, что тому нужно. Выдержав театральную паузу, Коршунов на радость Савелова произнёс:

– Ладно. Бери стул. Будем вместе изучать эту папку. Только прошу тебя никому ничего не рассказывать.

Ничего особенного в этой папке мне было: набор стандартных бланков аккуратно и тщательно заполненных. Из этих всех документов следовало, что вожатый, которого звали Денис пропал почему-то поздно вечером, притом он сказал, что догадывается, где находится пропавший накануне мальчик из его отряда.

Странно, очень странно, – заметил Виктор. – Значит Денис пошел искать пропавшего мальчика.

– Я тоже не понимаю этого, – поддержал своего приятеля Антон. – Значит у вас в архиве должно быть еще одно дело об исчезновении ребенка

– Я, конечно, спрошу об этом у начальника. Ясно, что оба исчезновения были связаны между собой, но почему-то не объединены в общее дело. Неужели работники лагеря вызвали полицию только тогда, когда пропал вожатый.

– Возможно они не хотели поднимать лишний шум и решили обойтись своими силами, – сделал предположение Савелов. – А ты говоришь, что тебе совсем не интересные дела достаются. Тут есть какая-то тайна, которую тебе не мешало бы раскрыть.

– Так любое преступление это тайна, – улыбнулся Виктор. – Вот где мне теперь искать свидетелей и маму потерпевшего. Да еще Константин Иванович сказал, чтобы я не занимался самодеятельностью. Я должен подтвердить или опровергнуть, что труп найденный два дня назад является трупом Дениса и больше ничего.

– Мы ведь можем провести неофициальное расследование, ведь тебе разрешено сделать копии этих всех документов.

– Ты всё-таки хочешь, чтобы меня уволили из органов, – недовольно буркнул Виктор. – Чтобы проводить подобное расследование нужно очень много времени и ресурсов, и челове-

ческих и материальных. Это же снова надо опрашивать всех свидетелей, а ведь прошло уже десять лет и многие не помнят подробностей всего того, что произошло.

– Ты прав, – согласился Антон. – Тебе нельзя этим заниматься. Но своё журналистское расследование могу провести я. Вот смотри, ещё интересная бумажка» выборочный опрос жителей села Ситовка». Скажи, а зачем надо было местных жителей опрашивать?

– Это стандартная процедура в таких случаях, – ответил Коршунов. – Мало ли что? Может кто-то что-то видел, что-то слышал, может где-то посторонний лазил по селу или в окрестностях. Когда происходит какое-то преступление в доме, то тоже опрашивают всех соседей. Не думаю, что в этом документе есть что-нибудь интересное. Как правило, никто ничего не видел и не слышал.

– Так тут местные жители в один голос утверждают, что пропавших надо искать в «раненом» лесу, – воскликнул, обрадовано Антон.

– Что за лес с таким странным названием? – Виктор выхватил документ из рук приятеля. – Да, действительно «раненый». Завтра я возьму все свежие документы по этому делу: осмотр и описание места обнаружения трупа, опрос свидетелей. Может быть что-нибудь и прояснится. А вообще мне придется туда поехать, поговорить с людьми и узнать, что это за такой лес со странным названием.

– Я охотно бы составил тебе компанию, – выразил надежду Антон. – Но ты, видимо, не хочешь, чтобы я поехал вместе с тобой.

– Почему бы и нет. Вместе веселее, – обрадовал друга Коршунов. – Вот я нашёл адрес матери этого Дениса. Если она никуда не переехала, то это будет очень хорошо. Вот с ней надо поговорить в первую очередь.

К счастью Виктора, мать Дениса не поменяла номер телефона и адрес проживания. Правда она наотрез отказывалась встречаться со следователем, обвиняя силовые структуры в бездействии. Однако, Коршунову удалось уговорить женщину встретиться с ним и он, не откладывая дело в долгий ящик, отправился по адресу.

Виктор представлял Валентину Наумовну, так звали мать Дениса, пожилой сухопарой старушкой с седыми волосами. Но оказалось, что женщина была не такой уже старой, довольно симпатичной, высокорослой и широкой в плечах. Она больше походила на мужчину, чем на женщину.

– Это я вам звонил. Меня зовут Коршунов Виктор, – представился следователь, внимательно разглядывая Валентину Наумовну.

– Догадалась уже, – недовольно буркнула женщина. – Ещё пока нахожусь в трезвом рас- судке, проходите.

Мать Дениса расступилась, пропуская неожиданного гостя в квартиру.

– Для следователя вы очень молоды, – констатировала она.

Женщина указала жестом на стул и села рядом.

– Я, конечно, расскажу вам всё что произошло десять лет назад, но я очень настороженно отношусь к работе вашего учреждения, уж извините за прямоту. Следователь, который вел это дело до вас, очень быстро поспешил сдать его в архив, до конца ничего не выяснив. И вот все эти годы я мучаюсь, жив мой сын или нет, был ли это несчастный случай или убийство? На все эти вопросы я за это время так и не получила ответа. Если мой сын мертв, то я хотела бы его хоть похоронить по-человечески, если он жив, то найти его и обнять.

– Собственно, поэтому я и здесь, – Виктор подбирал тщательно слова, чтобы никоим образом не травмировать лишним раз женщину. – Дело об исчезновении вашего сына направлено на дорасследование, в связи с тем, что в окрестностях села Ситовка, где раньше находился пионерский лагерь, обнаружен разложившийся труп. Мы предполагаем, что это труп вашего сына, но для этого нам нужны неопровержимые доказательства и поэтому необходимо произвести биологическую экспертизу и опознание.

– Где сейчас мой мальчик? – вдруг неожиданно заплакала Валентина Наумовна.

– Мы не уверены, что нашли вашего сына. Это стандартная процедура, в которой нужна ваша помощь. Не хотите рассказать немного о своём сыне.

– Я хотела рассказать всё о нём ещё десять лет назад, но меня почему-то никто не хотел слушать.

– Расскажите сейчас, – попросил Коршунов. – Я внимательно выслушаю вас, тем более ваш сын почти мой ровесник.

– Я практически воспитывала его одна, – тяжело вздохнула женщина, вытирая неожиданно нахлынувшие на глаза слезы. – Его отец был хорошим человеком, ничего плохого о нём сказать не могу, но у нас не сложилась счастливая семейная жизнь. Мы были очень разными с ним, хотя и любили друг друга. Мы развелись, когда Денису было пять лет. Как сейчас принято это называть, причина развода бытовые недоразумения. Я очень экономная женщина, не трачу деньги направо и налево, покупаю только то, что необходимо в данный момент и всегда хорошо умею считать свою прибыль и расходы. Отец же Дениса был мотом, он покупал любую понравившуюся ему вещь. Кроме этого, он серьезно занимался фумофилией. Это когда человек собирает курительные принадлежности: курительные трубки, кистеты, портсигары, табакерки. Сам он не курил, но у его отца уже была небольшая коллекция таких предметов и, видимо, он заразил ею и сына. Понятно, что такой вид коллекционирования требовал какого-то вложения денег и Женя никогда не экономил на этом. Практически вся его зарплата уходила на это увлечение. Ещё когда мы встречались, я знала о его хобби, но не думала, что это настолько серьезно. Когда я пыталась поговорить с ним на эту тему, то встречала стену непонимания с его стороны. В конце концов, мы серьезно поссорились и развелись. Женя – хороший отец, никогда не задерживал нам алименты, встречался с сыном, дарил ему подарки. Но потом в его жизни появилась другая женщина, и он переехал в другой город. После этого Женя и Денис не встречались, он, правда, писал первое время письма и мне, и сыну, но потом его следы окончательно потерялись.

– Денис не очень переживал в результате вашего развода? – спросил Виктор.

– Нет, он был с детства очень умный и всё понимал, тем более до двенадцати лет отец практически был рядом, они встречались почти каждую неделю. Уже потом он воспринял переезд отца, как предательство, но тем не менее понимал его.

– У него не было мысли найти отца? – задал очередной вопрос Коршунов.

– Не думаю, он никогда это не озвучивал вслух. Вполне возможно, что в глубине души он хотел снова с ним повидаться, но никаких попыток не предпринимал. Денис с отличием окончил школу и еще с детства просто грезил профессией учителя. Не знаю, почему у него такая тяга была к педагогической деятельности, ведь у нас в семье никогда не было людей такой профессии. После третьего курса их на два месяца отправили на практику водителями в пионерский лагерь. Получилось так, что он и его очень хороший приятель Вова получили распределение в одно и тоже место. Денис был так рад, что чуть ли не прыгал от счастья. «Теперь мне не будет так скучно», – говорил он. Если бы я знала, чем закончится эта практика, я бы никогда его туда не послала. Оформила бы справку от врача, сделала бы что угодно, только, чтобы он туда не поехал.

Нахлынувшие воспоминания были очень неприятными для женщины и она, низко опустив голову, зарыдала.

– Вам никогда не понять боли матери, потерявшей единственного сына. Это горе, которое несравнимо ни с чем. И я никому не желаю пережить того, что пережила я сама. Первый месяц прошёл нормально и сын приехал на пару дней во время пересменки, а потом поехал на вторую смену. Именно, в июле месяце это всё и случилось. Как раз когда до окончания практики оставалось всего одна неделя. Поздно вечером мне позвонили и сообщили, что этой ночью мой сын куда-то пропал и поиски по горячим следам не дали никакого результата. Я сначала

восприняла это всё несерьёзно. Мало ли что могло произойти и всё надеялась, что через день-два он объявится. Но проходило время, а никаких вестей от моего сына не было и тогда я стала серьёзно волноваться. Я каждый день бегала к следователю, меня знакомили с материалами дела и утешали, что не так всё плохо, что мой сын найдётся в ближайшее время. Я видела, что никому нет дела до моего Дениса. Я встретила с его приятелем Вовой в надежде, что он мне что-то поведаст. И узнала массу интересных вещей. Оказывается, накануне из пионерского лагеря пропал мальчик. Денис сказал, что знает где его искать и поздно ночью направился на поиски и больше не вернулся.

– В этой истории очень много не стыковок, – признался Виктор. – Исчезновение мальчика и вашего сына были связаны между собой, но почему-то не объединены в общее дело и мне предстоит выяснить, почему это так? Скажите, а я могу поговорить с этим Вовой? Вы поддерживаете с ним связь?

– Вова очень тяжело переживал случившееся. Сейчас он работает в школе, я знаю, где он живет. Он женился, имеет двоих детей, а мне уже наверное не суждено дожидаться внуков. Когда я могу увидеть своего сыночка?

– Я думаю, что это произойдет завтра. Вас обязательно вызовут, – ответил следователь. – Поверьте мне, я сделаю всё возможное, чтобы выяснить произошедшее с вашим сыном.

– Десять лет назад мне обещали то же самое, но, к сожалению, ваши коллеги не выполнили своих обещаний. Мой сын был добрым, отзывчивым человеком. Он никогда ни с кем не ругался, не имел врагов. Я помню в классе шестом на день 8 марта он подарил мне огромный букет цветов. Для меня это было очень неожиданно. Я всё пыталась выяснить, откуда у подростка могли быть деньги. Но он отмалчивался и не признавался. Позже я узнала, что он почти целый месяц не тратил денег на школьные обеды. Он голодал, чтобы сделать мне приятное к празднику. Когда он вручил мне этот букет цветов, я видела в его глазах столько любви и восхищения, столько нежности и счастья. И тогда я поняла, что воспитываю настоящего мужчину и человека. Когда я немного приболела он ухаживал за мной, готовил пищу, хотя этому я его никогда не учила. Вы не представляете, каким заботливым он был. Уже обучаясь в институте он нашёл себе подработку. Я не хотела, чтобы он работал. Тяжело всё-таки учиться и работать одновременно. Но он и слушать ничего не хотел и говорил, что ему стыдно постоянно брать деньги у матери. Если бы я только знала, что произойдет такая трагедия. Но материнское сердце не подсказало ничего.

– В том, что случилось с вашим сыном, вашей вины абсолютно нет. Это могло быть простое стечение обстоятельств.

– Я понимаю, но за десять прожитых лет без своего сына я так и не отошла от той боли и разочарования. Что может быть страшнее, чем потерять единственного своего ребёнка. Мой милый мальчик, не уберегла я тебя от жестокости и цинизма современного мира.

Валентина Наумовна снова начала вытирать глаза от слез.

– Может быть, вы хотите чаю или кофе, – неожиданно предложила она. – Я вижу, что вы человек хороший, но в нашем мире быть просто хорошим человеком недостаточно.

Не дожидаясь ответа женщина встала и вышла на кухню.

– Так, что вам чай или кофе? – спросила она вполоборота. – Я вчера напекла пирожков с творогом. Дениса очень любил их. Хочу и вас угостить.

Виктор немного растерялся от неожиданного приглашения. В начале разговора Валентина Наумовна приняла его очень враждебно, но сейчас воспоминания о своём сыне немного растопили её сердце.

– Если у вас есть чёрный нерастворимый кофе, то небольшую чашечку с одной ложкой сахара, – ответил молодой человек.

Через несколько минут разговор возобновился.

– У вас есть родители? – спросила женщина.

– Мой отец умер молодым от лейкемии, когда я был еще маленький. Меня тоже мама воспитывала одна до тех пор, пока не вышла замуж во второй раз.

– Где сейчас ваша мама?

– Они живут в Киеве. Мама, отчим Руслан и двое моих сестер.

– А вы значит решили перебраться в наш город?

– Я попал по распределению сюда. И мне тут понравилось. Городок чистый, уютный, с прекрасными жителями.

– Что правда – то правда, – с гордостью подтвердила женщина. – Все, кто приезжает в наш город, влюбляются в него. Хотя таких городов очень много на Украине. Как вам мои пирожки?

– Вы знаете, моя мама тоже любит их печь, но у ваших какой-то особый вкус. Интересно узнать, что вы добавляете в творог?

Валентина Наумовна лукаво улыбнулась и, махнув рукой, честно призналась:

– Никакого особого рецепта у меня нет. Просто я все эти десять лет, когда пеку пироги, думаю о своём сыне и надеюсь, что на этот раз он придет и попробует их. Но каждый месяц происходит всё одно и то же, я сама съедаю их и виню себя за излишнюю легкомысленность и глупость, но проходит месяц и я снова с надеждой их выпекаю. Но в этот раз, вместо сына ко мне пожаловал другой парень, который, я надеюсь, поможет мне разобраться в том, что произошло с моим сыном.

– Я обещаю вам разобраться в этом, но мне нужно знать кроме Вовы у Дениса были еще друзья, знакомые, может быть любимая девушка.

– Училась с ним одна вертихвостка, – недовольно пробурчала Валентина Наумовна. – Первый год учебы он всё бегал за ней, а она раз и выскочила замуж за другого. Вот такие современные девушки и слава Богу – мне она очень не нравилась. Конечно, мой сын ей не подходил, она искала богатого, зажиточного. Слишком завышенные у неё требования были.

– А больше ни с кем не встречался?

– Не знаю. Меня он не торопился посвящать в свои планы. Хотя, я думаю, после случая со Светланой его девушки стали интересовать меньше, а учёба больше.

– Вы с его одноклассниками были знакомы?

– Один раз он пригласил к себе несколько человек в гости на день рождения. Но, честное слово, я даже не запомнила, как их всех зовут.

– Спасибо за кофе и пирожки, – поблагодарил молодой человек.

– Пожалуйста, приходите еще. Я так понимаю, вы один живёте в нашем городе. Тяжело наверное одному.

– Я снимаю квартиру со своим другом. Вдвоём нам веселее.

– Ваш друг тоже следователь?

– Он журналист. Мы учились вместе с ним в школе, а потом оба, как ни странно, попали по распределению в один и тот же город.

– Это, видимо, судьба, – констатировала Валентина Наумовна. – Я не очень-то люблю журналистов, впрочем как и следователей. – Честно призналась она. – В одной газете напечатали небольшую заметку о моём сыне. Так, этот журналиста не только перепутал имя моего сына, но и насочинял всяких небылиц про него. Я хотела подать в суд на газету, но потом передумала. Я пришла в редакцию, посмотрела в глаза этому недоумку, высказала всё, что я о нём думаю. И представляете, после моих слов у него не было никакого раскаяния, никакого сожаления о случившемся, никаких эмоций, он просто тупо смотрел на меня и ехидно улыбался.

– Это произошло после исчезновения вашего сына?

– Да. Через полгода. Как сейчас помню, его тупое выражение лица, не выражающее никакого сострадания и боли. Я надеюсь, ваш друг не напишет ничего подобного.

– Мой друг профессионал и очень порядочный человек. И, если он захочет написать статью о вас и вашем сыне, то обязательно ознакомит вас с набранным материалом.

– Не стоит это вообще, – задумчиво промолвила женщина. – Мне будет достаточно, если вы найдёте моего сына живым и невредимым или хотя бы предоставите мне его тело. Сначала мне было очень тяжело, очень больно, очень обидно, а сейчас время потихоньку залечивает прежние раны. Может быть, ещё чашечку кофе?

– Нет, спасибо. Пирожки ваши очень вкусные, но мне пора. Очень много дел. Я надеюсь, мы завтра с вами встретимся и кое-что уже разрешится.

– Пойдите. Не уходите так быстро. Побудьте со мной. Я ещё много чего могу рассказать вам о своём сыне, если вам это очень интересно. Вы понимаете, за всё это время мне не с кем было поговорить о Денисе. Каждый человек занят чем-то своим, своими проблемами, своей радостью и мы очень часто не замечаем, что рядом живут люди, которым требуется помощь и поддержка. Им не надо материальных благ, высокой должности, больших зарплат, славы и почёта – надо только одного, чтобы кто-то внимательно их выслушал. А вот такого внимательного и чуткого собеседника, как раз большинству нам и не хватает. Мы стали слишком циничны, слишком расчетливы, слишком жестоки. Нам наплевать на чужие проблемы, на чужую беду, чужое горе. А ведь нам многого не надо. Чуть-чуть внимания, заботы, нежности и всё многообразие красок мира предстаёт в другом цвете, в другой реальности.

Пришлось Виктору остаться ещё на полчаса и послушать новые истории о жизни Дениса. Потом он поехал в отдел, взял новые документы по этому делу и договорился с экспертами о проведении опознания.

Глава 3

Ни я, ни мой брат в начале не понимали какое это большое горе и беда. Война была для нас чем-то чуждым, далёким и нереальным. Хотя, и началась она с не очень приятных событий. Уже к середине дня была объявлена всеобщая мобилизация и все мужчины в селе, быстро собрав рюкзаки и попрощавшись с родными и близкими, заполнили кузова подогнанных для этих целей автомобилей. Мы не понимали, почему все плачут и рыдают, почему мама Света даже упала на колени перед папой и держала его за полы одежды, не желая отпускать. То тут, то там раздавались крики прощания, всхлипывания и рыдания. Жители села еще долго не расходились, хотя машины давно уже скрылись из виду. В селе остались только старики, дети и женщины. Они обсуждали, что же будет дальше и как им дальше жить? Мама отвела нас домой, накормила, а сама бросилась к соседке, у которой была радио, чтобы послушать последние новости. Известия, рождающиеся из эфира, были не очень приятные: немцы продвинулись за сутки далеко в глубь территории Советского Союза. В начале война ничем нас не беспокоила, она, казалось, далеко и никогда к нам не придет. Но уже через несколько дней мы отчетливо стали слышать отдаленные звуки канонады. Утром в село приехало несколько фургонов с красными крестами. Это был полевой госпиталь. Люди в белых халатах быстренько поставили палатки посреди села и уехали, чтобы вывозить с поля боя раненых бойцов. Однако они никого не привезли и к вечеру палатки были снова собраны и машины уехали. Мы так и не поняли, зачем они приезжали и кого собирались лечить? А звуки канонады становились всё ближе и ближе с каждым днём, ещё через неделю мы уже отчетливо слышали взрывы и автоматные очереди, звуки летающих самолетов и разрывы снарядов. Всё это было очень близко и на душе становилось страшно. Село быстро опустело. Люди запрягали подводы, хватали необходимые вещи и уезжали на восток. Тётя Света тоже хотела отправить нас с соседями, но потом передумала. От разрывов снарядов звенела посуда и дребезжали стекла. На мой вопрос, почему мы тоже не уехали, тётя Света только мрачно махала рукой, а вдруг папа вернется и не застанет нас дома.

– Но нас убьют фашисты, – кричал я в панике. – Они совсем рядом.

Наконец-то, я осознал всю трагичность нашего положения. К вечеру ехать уже было поздно. Через наше село прошёл взвод ободранных и голодных советских солдат, они не остановились, они пошли дальше. Мы поняли, что наша армия не может остановить натиск фашистских войск. На третью неделю войны в село вошли фашисты, они приехали на мотоциклах с коляской. Их было немного полтора – два десятка человек. Немцы, видимо, тоже были очень голодны, стали ходить по дворам и требовать что-нибудь поесть.

Зашли они и к нам.

– Коммуниста есть в доме? – на ломаном языке спросил один из них, крепко прижимая автомат к груди. – Мужчины есть в доме.

– Нет, – ответил Света. – Только двое мальчиков.

– Мальшики это карашо. Это будущие солдаты третьего рейха. Скажи своим мальшикам, штобы они затопили нам баню, мы будем мыться, а ты пока накрывай на стол.

– Сколько человек осталось в селе? – продолжал задавать вопросы немец, хвастаясь своим знанием русского языка. – Всех мужчин мы будем убивать.

– Так не осталось никого из мужчин, – ответила мама и взболтнула лишнее. – Все ушли воевать.

Однако, такие откровения ничуть не смутили немца.

– Воевать против непобедимой армии вермахта – это глупость, – усмехнулся солдат. – Они все будут убиты. Твой муш тоже ушёл на фронт?

Мама замешкалась, не зная, что ответить и уже в глубине души проклинала себя за излишнюю болтливость. Но немец понял всё.

– Молись, женщина, чтобы он остался жив.

В начале немцы не были такими страшными и злыми. Они были очень похожи на нас, но их глаза почему-то бегали из стороны в сторону. Мы не умели топить баню, папа Миша нас никогда этому не учил, но немцем баня не понадобилось. Прибежал какой-то очкастый человек, видимо их начальник, что-то прокричал им на немецком, и солдаты быстро собрались, схватили кое-какую еду и уехали.

– Вот гады, – негодовала Света. – Молоко всё забрали и яйца. Вот, что мы теперь будем есть.

Это было только начало. Потом, страшно грохоча и поднимая столбы пыли, проехала колонна немецких танков, которые тащили за собой артиллерийские орудия. За ними проследовали несколько колонн немецких солдат. Их было так много, что мы даже сбились со счёта. Они молча проходили мимо села и не останавливались и это нас очень радовало. Потом проехала колонна немецких машин, снова автоматчики на мотоциклах. Так продолжалось до глубокой ночи. Ночью начался интенсивный артиллерийский обстрел, всю ночь летали самолеты, совсем близко взрывались снаряды и мы вынуждены были с мамой прятаться в подвале. Утро встретило нас не очень радушно, кругом воняло чем-то горелым, воздух был пропитан гарью и дымом, дышать было тяжело. Когда всё успокоилось, жители села собрались на сходку. В селе осталось около трёх десятков человек. Детей – четверо. Мой ровесник, мальчишка по имени Роберт – сын оставшегося и почему-то не призванного в армию мужчины, жившего на окраине села, четырнадцатилетняя девушка Женя, которая осталась ухаживать за парализованной матерью и я с братом. Был ещё правда полоумный Яшка, который даже в школу не ходил, но он, по сравнению с нами, был уже взрослый. Яшку война не касалось никаким образом, он по-прежнему ходил по селу, пел песни и громко матерился. Несколько домов в селе были покорежены от ночной бомбежки, но, к счастью, раненых и убитых не было. Тишина и спокойствие длились недолго. Потом появился он – офицер немецкой армии, которого прислали к нам комендантом. Он со своими соратниками был расквартирован в соседнем селе, которое было намного больше нашего. А к нам он приехал проверить, кто остался? Гюнтер отлично знал русский язык. Это был высокий, стройный мужчина средних лет, с идеальной армейской выправкой и аристократическими манерами. Правда, нам с братом он сразу не понравился. Было что-то в нём чванливое, высокомерное и отталкивающее. Гюнтер приказал всем собраться в актовом зале сельсовета.

– Где Ваш председатель? – первое, что спросил он. Потом были вопросы, сколько человек осталось в селе, есть ли мужчины и молодые женщины. Он остался недоволен ответами сельчан.

– Кто же будет работать на земле? Кто будет кормить великую германскую армию, – кричал он. – Я прикажу вас всех расстрелять. Вы мне не нужны.

Однако, немного поостыв, он сразу же с небольшой толпы людей выделил оставшегося единственным в селе мужчину. Это был отец Роберта.

– А ты почему не в армии? – удивился офицер. – Болен что ли?

– Никак нет, герр офицер, – по-армейски ответил мужчина. – Я не желаю служить в Советской Армии и считаю советский строй неправильным.

Столь неожиданное откровение было как ушат холодной воды на голову сельчан. Все сразу же повернулись к Ивану.

– Что ты такое мелешь? – возмутилась баба Галя.

Все неодобрительно зашумели и с возмущением зашикали на него.

– Тихо вы! – рявкнул на толпу Гюнтер.

Ему понравились слова Ивана, он улыбнулся и, похлопав мужчину по плечу, сказал:

– Молодец. Нам нужны такие люди. И объясни своим односельчанам, что если они не будут помогать нам, то это плохо для них закончится. Вы слышали, – обратился он к присутствующим. – Вы находитесь в подчинении армии вермахта, любое сопротивление с вашей стороны будет караться по законам военного времени. Советский строй упраздняется и управление переходят к третьему рейху. Отныне вы работаете на нас, на благо Великой Германии. Ивана я назначаю старшим. По всем вопросам вы должны будете обращаться к нему. Если в селе появятся вооружённые люди Советской Армии, вы должны сразу же доложить об этом Ивану. Все недовольные нынешним строем будут уничтожены или направлены в концентрационные лагеря.

Я честное слово ничего не понял из речи этого немца. Почему мы должны были служить третьему рейху? Что такое концентрационные лагеря и где они находятся? Однако, я отлично понимал, что беззаботная, мирная жизнь ушла навсегда. Теперь за нами будет следить Гюнтер со своими вооружёнными людьми и что они заставят нас делать неизвестно. Вооружённый человек – опасный человек. Он может в любой момент применить силу и оружие. Ивана переделали в форму, похожую на немецкую, на правый рукав нацепили повязку со свастикой и отныне он стал полицаем – человеком, который верой и правдой должен служить под началом немецких оккупантов. Гюнтер оставил в помощь ему двух вооружённых фашистов. Они тут же в сельсовете организовали свой штаб. До этого я очень редко видел отца Роберта, один раз мы были у него дома и тогда он мне показался очень замкнутым и нелюдимым человеком. Но сейчас Иван преобразился. Он стал гордым, независимым и очень счастливым. Формальная должность начальника преобразила его, сделала из него совсем другого человека. Внешне он был своим русским, но внутренне... Это уже был не тот Иван, носящий типичное русское имя.

Я сразу же возненавидел его, даже еще сильнее, чем офицера вермахта. Слово «предатель» навсегда укоренилось в моём мозгу. За эти несколько недель я стал намного старше, я вдруг резко повзрослел. Беззаботное счастливое детство закончилось, наступали суровые будни оккупации.

Мама Света тоже очень злилась на Ивана и возненавидела его.

– Как может человек, живущий рядом, кушающий тот же самый хлеб, пьющий ту же самую воду и дышащий тем же самым воздухом, вдруг ни с того ни с сего становится совсем другим, предаёт родную землю и людей, – вопрошала она негромко.

– Его убьют мама, – твердо заявил я. – Вот приедет папа и убьёт его.

– Что ты мелешь чепуху, – разозлилась Света. – Держитесь с братом подальше от немцев и от Ивана, они злые люди и могут вам сделать недоброе. И, пожалуйста, не общайтесь с Робертом, сын предателя не может стать хорошим человеком.

Мы, конечно, отлично понимали, о чём она говорит? Но как можно держаться подальше, если мы все живем рядом.

– Нужно было отправить вас в тыл, – рвала на себе волосы мама. – Там всё-таки безопаснее. После того как Гюнтер уехал, Иван со своими помощниками, один из которых чуть-чуть говорил по-русски, начали обыскивать дома. Они искали мужчин и молодых девушек, параллельно они брали всё, что плохо лежит. Всё награбленное они грузили на подводу и отвозили в сельсовет. Оказалось, что Иван отлично говорит по-немецки, видимо, эта сволочь уже давно готовилась к смене власти в стране. Они проехали мимо нашего дома, не заглянув середину, и это почему-то очень напугала тётю Свету.

– Завтра они вернуться, – причитала она. – Кто его знает, какие указания им даст Гюнтер. Боже мой, убереги нас от несчастья и смерти.

Мама была набожная женщина, но в годы Советской власти держать в доме иконы и молиться было не принято. Но сейчас она повесила на стену икону Божьей матери и каждые пять минут вставала перед этой иконой на колени и страстно молилась. Вечером снова начался

артобстрел, снова в воздух были подняты самолеты, снова слышались автоматные очереди вдалеке и раскаты взрывов. Так продолжалось несколько дней а потом всё неожиданно стихло.

Глава 4

- Как дела у лучшего следователя в городе?
- А как поживает самый известный журналист?

Приятель горячо обнял друг друга.

– Завтра будет опознание и экспертиза ДНК, – начал рассказывать Виктор. – Встретился я с мамой Дениса, приятная такая женщина, очень умная. Люблю и уважаю умных людей.

– Странно, – съязвил Антон. – Обычно умных людей тянет к глупым и наоборот.

– Очень остроумно, – почти обиженным тоном протянул Коршунов. – Так кого в нашем тандеме ты считаешь глупым?

– Да, что-то сегодня у тебя с настроением не очень, – заметил Савёлов. – Извини больше не буду с тобой шутить.

– Просто мне не дает покоя личность Дениса, его странное исчезновение. У него не было врагов и он ни с кем не конфликтовал. Завтра я поговорю с его другом Вовой, может он мне что-нибудь расскажет интересное. Мне вообще нужно знать побольше информации о его практике в пионерском лагере.

– А новые документы по делу взял?

– Конечно, тело действительно нашли в «раненом» лесу, то есть местные жители сразу знали, где искать Дениса. Но тем не менее, следователь проигнорировал эту информацию. Было бы неплохо поговорить с ними снова. Видимо, они чего-то боялись. Сплошные загадки в этом деле. Завтра ещё нужно пойти на приём к начальнику. Как я не хочу этого делать. Может он знает, почему исчезновение мальчика и Дениса не было объединено в одно дело. Неплохо было бы ознакомиться ещё и со вторым делом. Но Константин Иванович не разрешит этого сделать. Ох, получу я завтра нагоняй от него, как пить дать получу.

– Надо быть смелее и решительнее с ним. Пусть увидит, что ты тоже не лыком шит, – посоветовал Савёлов.

– Ты плохо знаешь моего начальника, он такой твёрдоголовый и неприступный, что разговаривать с ним по душам невозможно, – Коршунов иронично усмехнулся. – Впрочем, рано или поздно всё равно придется завести этот разговор, пусть это будет завтра. В худшем случае, он просто заберёт дело у меня и передаст его кому-то другому.

– Этого нельзя допустить, – воспротивился Антон. – Мы должны его расследовать сами от начала и до конца.

– Так, я разве против, – хмыкнул Виктор.

На следующий день следователь Коршунов всё-таки решил вначале заглянуть к своему начальнику, он морально готовился к этому разговору и даже приготвил несколько доводов в пользу своего решения.

Константин Иванович в свойственной ему манере недружелюбно глянул на Виктора и пробурчал:

– Садись. Рассказывай, только быстро, у меня нету времени. Через полчаса я провожу совещание оперуполномоченных.

– Сегодня в два часа будет опознание и экспертиза, – доложил Коршунов.

– Отлично, – обрадовался начальник. – Нашёл всё-таки мать пропавшего. Оперативно сработал, молодец.

За всё это время Константин Иванович хвалил своего подчинённого первый раз, и это придало Виктору силы.

– Константин Иванович, накануне из лагеря без вести пропал десятилетний мальчик, – на одном дыхании выпалил Виктор, боясь, что его перебьют. И Денис ночью отправился его искать.

– И что из этого? – недовольно протянул начальник.

– Обе пропажи связаны друг с другом, ведь Денис был уверен, где искать мальчика.

Константин Иванович резко взглянул на подчинённого и повысил тон:

– Я тебя предупреждал, чтобы никакой самодеятельности не было. Тебе ставились конкретные задачи по идентификации тела, а всё остальное тебя не должно волновать. Сегодня же к вечеру сдашь дело в архив.

Обычно после того, как начальник начинал выражать свое неодобрение, Виктор тушевался и молча шел выполнять поставленную задачу. Но в этот раз Коршунов понимал: или Пан, или пропал.

– Чтобы выполнить ваш приказ, мне нужно разобраться в этом деле. Вам оно не кажется странным.

Молодой следователь ожидал всего, что угодно. Сейчас Константин Иванович начнёт ругаться и кричать на него, потом объявит выговор и лишит премиальных, но начальник сегодня был на удивление спокойным.

– Скажи, зачем тебе лезть в дело, которое произошло десять лет назад. Стоит ли ворошить прошлое?

– При расследовании было совершено несколько грубейших ошибок, – Виктор почувствовал сомнения Константина Ивановича. – Во-первых, нужно было объединить оба дела, тогда можно было бы найти причину произошедшего, ведь наверняка оба дела вели разные следователи.

– То есть, ты хочешь сказать, что следователи Жаров и Немчанинов некомпетентные, – начальник выглядел внешне спокойным, но чувствовалось, что он едва сдерживается от нахлынувших эмоций. – Ты слишком мало проработал в этой системе, чтобы судить о работе других.

– Да, я ещё не очень компетентен, – согласился Виктор. – Поэтому и прошу вас объяснить мне эту явную нестыковку.

– Я тебе ничего не должен объяснять, существует профессиональная этика и субординация. Раз следователи посчитали не объединять эти два дела в общее, значит на то была причина. Неужели ты думаешь, что через десять лет тебе удастся раскрыть это дело.

– Я хотел бы попробовать.

– Слушай, кому это уже нужно, – вдруг вспылил Константин Иванович. – Было ли это убийство или несчастный случай, сейчас не имеет значения. Даже, если произошло убийство – тебе нужно доказать это и, как минимум, найти того, кто его совершил. Ты считаешь реальным такое.

– Вы мне не даёте никаких интересных дел, а исчезновение Дениса меня очень заинтересовало, там есть очень много белых пятен. Разрешите мне взять дело мальчика и дайте немного времени, я постараюсь выяснить всё, что произошло тогда.

Константин Иванович неодобрительно взглянул на подчинённого, поедая того взглядом и процедил сквозь зубы:

– Мне нужно, чтобы ты занимался поточными делами, а не теми, которые отправлены в архив. Смотри, если твоё расследование в отношении Дениса не будет мешать общей работе, то я возражать не буду. Только не впутывай в это дело Жарова и Немчанинова, у нас в среде это не приветствуется. Хотя, ты вряд ли поедешь в Одессу и не факт, что Жаров захочет тебя выслушать. Он стал большим начальником. И старика Немчанинова не трогай. Человек уже два года как на пенсии, радуется жизни, воспитывает внуков. Я дам распоряжение насчёт дела мальчика, к вечеру его заберёшь.

Еще никогда Виктор не выходил из кабинета начальника таким окрыленным. Оказывается, Константин Иванович не такой уж зануда и с ним вполне можно разговаривать на равных.

Опознание началось ровно в два. Валентину Наумовну привезли в центр криминалистической экспертизы. Когда эксперт привычным жестом откинул простынь, которой было накрыто тело и твердым голосом, не выражающим никаких эмоций и чувств спросил Валентину Наумовну: «Это тело вашего сына?» женщина не ожидала, что всё произойдёт так быстро и немного замешкалась. Тем более, что тело представляло собой полностью обнажённый скелет, хотя и неплохо сохранившийся. Обычно такие скелеты находятся в школах в кабинете биологии и анатомии. Женщина внимательно изучала кости и череп, слезы медленно начали капать из её глаз. Видя замешательство женщины, эксперт помог ей наводящими вопросами:

– У него были какие-нибудь переломы, отсутствие каких-либо зубов, наличие коронок на зубах, дефекты позвоночника, грудной клетки и тазобедренного сустава.

– Да, – вскрикнула женщина. – У него отсутствовала шестёрка снизу с правой стороны и четвёрка сверху с левой. Эксперт осторожно приподнял челюсть. Так и есть, вышеназванные зубы у скелета отсутствовали.

– Сыночек, – зарыдала женщина и бросилась к телу. Эксперт ловким движением оттащил её и снова повторил свой вопрос:

– Вы подтверждаете, что данное тело является вашим сыном Денисом?

– Да, подтверждаю. Когда я могу его похоронить?

– Вам придёт разрешение на похороны. Распишитесь вот здесь. Чтобы точно убедиться, что это Денис, нам надо провести экспертизу ДНК. Вас сейчас проведут в лабораторию, где возьмут биоматериал. Процедура эта безболезненная и быстрая.

Результаты опознания сразу же доложили Коршунову, тот в это время договорился о встрече с Вовой и пришел прямо к нему на работу.

Среднюю общеобразовательную школу номер шестнадцать, которая находилась в самом центре города, только недавно переименовали в гимназию. Раньше здесь учились дети крупных чиновников города, соответственно, был подобран для этих целей хороший педагогический коллектив. Но потом качество образования стало падать и данная школа перестала выделяться в ряду других городских школ. Вова преподавал в этой школе физику и был на хорошем счету у начальства.

– У меня сейчас как раз окно, – пояснил он. – Идем, в лаборантской сейчас никого нет, и нам никто мешать не будет. В лаборантской как раз было два стула, стоящие возле небольшого стола.

– После того как урезали финансирование, ничего не покупается: ни оборудование, ни материалов, а количество лабораторных работ почему-то увеличили, – пожаловался учитель.

Вова был высоким молодым мужчиной с большой родинкой на правой щеке и небольшим шрамом на левой. Увидев интерес к этому шраму со стороны Виктора, пояснил:

– Подростковое напоминание. На дискотеке нарвался на пьяного отморозка, он успел немного зацепить меня по щеке, но моим друзьям удалось выбить нож из его рук.

Коршунов с радостью констатировал, что Вова был очень разговорчивым и коммуникабельным.

– Теперь он мне расскажет всё в малейших подробностях, – подумал Виктор с надеждой.

– Так, что тебя интересует в первую очередь, – учитель почему-то сразу перешел в разговор со следователем на «ты».

– Меня интересует Денис, его таинственное исчезновение.

– Я это понял, но что конкретно. Я о Денисе могу много чего рассказать и боюсь, что сорок пять минут мне будет мало.

– Ваша практика в пионерском лагере, – коротко ответил Виктор.

– Ах! Эта чёртовая практика, – выругался Вова. – Там с самого начала все пошло наперекосяк. Ты наверно уже в курсе, что мы там чуть не поссорились.

– Нет, не знаю, – недоумённо пожал плечами следователь. – Но очень хотел узнать.

– Когда мы получили туда распределение, то были очень рады. Ну, а что. Два месяца на свежем воздухе, работа интересная, творческая, так ещё за это и денежку заплатят. Проблема была в одном: туда получили распределение также много девушек филологического факультета.

– Так вы поругались из-за одной из них, – догадался Виктор.

– Вот именно. Девушек было много, но почему-то и мне, и Денису понравилась одна и та же. Её звали Валентина. У неё были густые, черные, вьющиеся волосы, красивая фигура и очень выразительный взгляд. Всё усугубляло ещё то, что Денис оказался очень ревнивым. Он ревновал меня к Вале даже тогда, когда мы с ней просто разговаривали или выполняли какие-нибудь служебные обязанности. Всё это очень раздражало и нервировало. В конце первой смены мы решили устроить прощальный ужин на природе с шашлыками. И тут, немного выпив, Денис предложил: « Пусть Валя сама решит с кем ей лучше остаться». Проблема была ещё в том, что девушка симпатизировала нам обоим, естественно сделать правильный выбор никак не могла, поэтому уклонилась от прямого ответа и я ее понимал. Хотя мы с Денисом были разные внешне, но характером удивительно похожи друг на друга. И он, и я любили читать, до совершеннолетия мы были типичными дворовыми пацанами, которые искали проблем на свою голову, оба хорошо учились, с легкостью заводили друзей и очень нравились представителям женского пола.

Я тоже в тот вечер перебрал лишнего, и Валя полночи отпаивала меня горячим чаем у себя в комнате. Об этом узнал Денис и распахнулся. Короче, вторая смена тоже началась нервно. Мне Валя потом призналась, что она, конечно, больше симпатизирует мне, но очень боится непредсказуемой реакции Дениса. Если бы мы знали, что произойдет что-то очень страшное, то вели себя по-другому.

– Вы были с Денисом одноклассниками? – спросил Виктор.

– Да, мы познакомились с ним ещё когда учились на подготовительном отделении. У нас никогда не было никаких конфликтов и недомолвок. Не знаю, как бы мы восстановили с ним отношения после этой практики, если бы не его таинственное исчезновение.

– В материалах дела было написано, что местные жители уверенно указывали место поиска пропавших. Их надо искать в «раненом» лесу. Не в курсе что это за лес?

– Понятия не имею, – пожал плечами Вова. – Я с местными жителями не общался. Это Денис мог с ними общаться.

– В смысле, – не понял последней фразы следователь.

– Дело в том, что кроме обязанности водителя на Дениса повесили еще два кружка: фото и моделирование. Поэтому, раз в два-три дня он ездил в райцентр, чтобы закупать материалы для этих кружков. Ты сам понимаешь, что для занятий фотографией нужны фотобумага, реактивы, фотопленка, а для кружка моделирование покупались разные модели самолетов, автомобилей, зданий и прочей ерунды. В такие дни рано утром в райцентр Дениса отвозила машина, которая ездил за продуктами, а обратно он уже возвращался рейсовым автобусом через два часа. Как раз успевал к завтраку.

– А что нельзя было сразу всё необходимое закупить на целую смену.

– Так деньги сразу все не выделялись, а только частями, поэтому и приходилось ему так мучиться.

– А у тебя не было дополнительных обязанностей?

– Как же не было. У всех было что-то дополнительно. Я, например, заведовал библиотекой. Но на пополнение книжного фонда деньги не выделялись.

– Расскажи о пропавшем мальчике.

– Я его не очень хорошо знал, он был в отряде Дениса.

– Какой-то таинственный мальчик, родители ни разу не забили тревогу о его исчезновении, – пожал плечами Коршунов.

– Так у него их и не было, сирота он, – просто ответил Вова и, перехватив недоуменный взгляд следователя, продолжил. – На две смены прислали к нам около тридцати детишек из детского интерната для отдыха и оздоровления. Какой-то там благотворительный фонд купил для них путевки. Дети в возрасте от 7 лет до 12. Они приехали со своими воспитателями, но решено было не делать из них отдельный отряд, а распределить по уже имеющимся. Так и получилось, что в каждом отряде было несколько детей – сирот. Они, кстати, очень толковые эти детки, умные, самостоятельные, послушные и очень коммуникабельные. Не в пример оболтусам из нормальных семей.

– И никто их не обижал, дети очень жестоки в отношении непохожих на них?

– Ты очень хорошо разбираешься в психологии, в частности в детской, – улыбнулся Вова.

– Следователи тоже изучают психологию, нам ведь приходится работать с разными людьми.

– Ничего такого не было, дети есть дети. Они быстро нашли общий язык, играли вместе. По крайней мере, я не знаю, чтобы кто-то из них конфликтовал по этому поводу. Миша был в отряде Дениса, очень красивый мальчик с карими глазами. Мать его бросила сразу же после рождения. Мальчик прошёл весь ад казенных домов от дома малютки до школы-интерната. Впрочем, насколько я знаю, он никогда не жаловался на свою жизнь, был довольно спокойным и добрым. Он очень привязался к Денису. И ходил за ним по пятам. Однажды он даже ездил с ним в командировку в райцентр с разрешения директора лагеря. Приехали оба очень довольные, особенно Миша. Для мальчика, который кроме казенных домов нигде не бывал в своей жизни, это можно назвать целым приключением.

– Сколько ему было лет? – задал очередной вопрос Виктор.

– Парнишке что ли, – задумался Вова. – Точно не могу сказать, но в отряде Дениса были дети 10—11 лет. Миша тоже примерно такого возраста.

– Скажи, может быть Денис рассказывал о каких-нибудь встречах за территорией лагеря. Во время своих командировок может он с кем-то познакомился, с кем-то встречался, с кем-то разговаривал.

– Я еще раз повторяю, – недовольно пробурчал Вова. – Из-за Вали у нас с ним были очень натянутые отношения. Дело доходило почти до скандалов, поэтому на какие-то откровенности ни я, ни он не шли.

– Он ещё с кем-то поддерживал отношения в лагере? – продолжал задавать вопросы следователь, не обращая внимания на некоторую нервозность собеседника.

– С ним в отряде проходила практику одна девушка, которая была равнодушна к нему, но Денис, влюбленный в Валу, не обращал на неё никакого внимания. А зря, девушка вполне так ничего. Вот только не помню, как её зовут?

Вова внутренне напрягся, вспоминая имя коллеги Дениса.

– Чёрт, – выругался вон. – Учителям грех жаловаться на свою память. Но я в последнее время стал какой-то рассеянный. То конспекты дома забуду, то дневник посещаемости, то календарные планы.

Через несколько секунд он обрадовано стукнул себя по лбу:

– Вспомнил, девушку звали Инна. Удивляюсь, почему Денис не ответил ей взаимностью, по красоте она ничуть не уступала Вале. Она тоже очень сильно переживала пропажу Дениса.

– Ты не знаешь, где сейчас эта Инна?

– Понятия не имею. Думаю, у Вали её адрес остался.

– А где найти Валу?

– Валя, Валя, – задумчиво повторил Вова. – А Валя после окончания института уехала на свою родину в Армению.

– Так она была армянка? – заинтересованно спросил Коршунов.

– Я же сказал, у неё были длинные, вьющиеся, черные волосы, – усмехнулся Вова. – У нее и фамилия была чисто армянская – Давидян.

– То есть, контактные данные Вали ты тоже не имеешь?

– Пропажа Дениса как-то спутал нам все планы, как-то резко мы вдруг охладели друг другу. Нет, первое время, конечно, переписывались и перезванивались. Но потом, как я уже сказал, она уехала в Армению и следы её потерялись.

Вова нервно посмотрел на часы и, как бы извиняясь, промолвил:

– Мне бы ещё к следующему уроку подготовиться. Может, мы будем заканчивать.

И Хотя Виктор, как он сам считал, был посредственным следователем, тем не менее он очень четко уловил какую-то скрытность Вовиных отношений с Валец.

– Но ведь ты наверняка встречался с ней и после практики, – задал неудобный вопрос Виктор.

– А тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов, – вспыхнул Вова. – Мы ведь ведем разговор о Денисе, а не обо мне и к его исчезновению ни я, ни Валя не причастны.

– Не кипятись, – попытался успокоить оппонента следователь. – Я не стану разглашать сведений, имеющих личный или интимный характер. Но, чтобы лучше понять картину происходящего, мне нужны любые, даже мелкие незначительные детали.

– Да. Через год после этого проклятого лагеря я нашел ее и мы начали встречаться. Но недолго, – Вова всем своим видом показывал, что разговор ему стал не нравится. – У Вали появился другой парень, и она меня отшила.

– Только не нервничай и скажи честно, у тебя с ней что-то было?

Вова победоносно посмотрел на Виктора и задумчиво проговорил:

– А ты как думаешь, девушка полночи отпаивает тебя чаем, всем своим видом показывает, что очень переживает за тебя, волнуется. А потом, когда ты немножко трезвеешь и тебе становится лучше – ты вдруг понимаешь, что это судьба.

– Денис знал об этом?

– Может быть догадывался или что-нибудь чувствовал, ведь он знал, что я остался у Вали на ночь. Я еще раз повторяю, мои отношения с Валец абсолютно не связаны с пропажей Дениса. Здесь что-то другое, связанное с этим пацаном.

– Расскажи о том дне, – попросил Коршунов.

– Так обычный день, ничем не примечательный. С утра он ездил в райцентр и был очень доволен, так как ему выделили весь остаток денег. «Всё, не придётся туда больше ездить», – говорил он радостно. Потом все отряды стали готовиться к конкурсу «Времена года». После сонного часа и полдника провели конкурс и пошли ужинать. Обычный день. После ужина, как правило, была или дискотека, или приезжал из села киномеханик и крутил фильм. Что должно было быть в тот день, я не помню? Но перед самым отбоем обнаружили, что Миши в лагере нет. Обшарили все комнаты, служебные помещения, кухню, игровые комнаты, спортзал, санузлы, но мальчика нигде не было. Прочесали всю территорию лагеря, но безрезультатно.

И тогда Денис, как будто что-то вспомнил, вдруг выкрикнул: «Я знаю, где его искать, через час я его приведу». Он сказал это таким уверенным тоном, что ни у кого не возникло сомнений. Решили, пока Денис не вернется, лишнего шума не поднимать и милицию не вызывать. Да, и вряд ли бы они приехали ночью.

– Почему с ним никто не пошёл?

– Он сказал, что справиться в одиночку, хотя не только я предлагал ему свои услуги. Действительно, если с ним кто-то пошел бы, то всего этого возможно и не произошло.

– Неужели он ни с кем не поделился, куда идет?

– Послушай, если бы кто-то что-то знал – наверняка бы рассказали следователям, тогда может по горячим следам его бы и нашли. Вообще на Дениса это не похоже, он всегда был такой общительный, разговорчивый, никогда ничего не скрывал. А тут...

Вова молча потупил взор:

– Когда его будут хоронить? – спросил он невесело. – Жаль, конечно, его, такой хороший парень был.

– Мы еще со стопроцентной гарантией не знаем, что нашли тело именно Дениса. Проведем экспертизу, которая займет несколько дней, а потом уже дадим разрешение на похороны.

– Сообщите мне когда его будут хоронить, – попросил Вова. – Я должен пойти на его похороны.

– Нет проблем. Если мне понадобится твоя помощь – я могу рассчитывать на тебя?

– Конечно, а теперь мне пора, через десять минут начнется урок.

Вечером Коршунов взял из архива дело мальчика и, приехав домой, стал его тщательно изучать. Антона дома не было, он задержался на какой-то пресс-конференции. Самое удивительное было то, что оба дела почти ничем не отличались друг от друга. Все те же опросы местных жителей, беседы с работниками лагеря, оперативно-следственные мероприятия и ещё куча других необходимых бумаг. Складывалось впечатление, что оба дела вел один и тот же следователь, хотя это было и не так. Константин Иванович, как назло, поручил ему ещё кучу другой работы и Виктор, памятуя о предупреждении начальника, решил заняться поточной работой, а оба дела из архива заняли своё место в шухляде письменного стола. Но Денис и Миша не давали ему покоя до позднего вечера. Антон вернулся, когда Виктор уже собирался ложиться спать.

– Э... Так не пойдет, – недовольно буркнул он. – Неужели, ты мне ничего не расскажешь. Я очень спешил узнать, как у тебя дела?

– Давай завтра, – поморщился Коршунов. – Я так устал сегодня, ты себе не представляешь.

– Завтра, так завтра, – обиженным тоном процедил Антон и пошёл в свою комнату.

Едва голова Виктора коснулась подушки, он вдруг увидел странное видение. Вова и Денис шли рядом по аллее. Их можно было видеть только со спины. Видение было настолько ярким и реалистичным, что Коршунов уже не мог оторваться и не понимал, где реальность, а где вымысел.

– Получил распределение на практику? – спросил Вова.

– Вот, дали бумагу, – Денис остановился и вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. Пионерский лагерь «Берёзка», село Ситовка.

– Да ты что, – воскликнул удивлённо Вова и достал точно такой же лист. – И у меня пионерский лагерь «Берёзка», село Ситовка. Вот уж совпадение.

– Здорово, – обрадовался Денис. – А может это и не совпадение. Все же в деканате знают, что мы дружим. Может, они практику распределяют по такому принципу.

– Да какая разница! – захолопал в ладоши Вова. – Ох, погуляем там на славу.

– Вдвоём нам будет не скучно, – подтвердил Денис. – Представляешь сельская местность, свежий воздух, целых два месяца без суеты и спешки. Главное не переборщить с весельем, а то получим неуд за практику. Когда там начинается смена?

– Уже с понедельника, – ответил Вова, еще раз заглянув в свою бумагу. – Нужно к десяти часам приехать к заводу металлоконструкций. Это их пионерский лагерь.

– Тогда до понедельника, – махнул рукой Денис. Приятели молча пожали руку друг другу, обнялись и направились в разные стороны.

Виктор думал, что на этом его видение закончится, но это было ещё не всё. Теперь он четко увидел живописную березовую рощу, часть которой была огорожена забором. То тут, то там по периметру забора были раскиданы небольшие двухэтажные корпуса. В центре находилась асфальтированная площадка с флагштоком, рядом с которой расположились здания меньших размеров. Еще чуть дальше одноэтажное здание с большими окнами.

– Так вот ты какой пионерский лагерь «Берёзка», – воскликнул Виктор и видение сразу же прекратилось.

Всё хорошее рано или поздно заканчивается и Коршунов был недоволен тем, что видение прекратилась на самом интересном месте, ведь он хотел побродить по территории лагеря и даже зайти в середину одного из корпусов. Если бы он знал, что это всего лишь первое видение в череде последующих и, что эти видения теперь будут его преследовать очень долгое время.

Глава 5

Все мои воспоминания о днях оккупации – это отрывки самых характерных, самых запоминающихся событий, которые оставили неизгладимый след в моей душе. Одним из таких ярких воспоминаний были частые визиты Ивана к нам в дом. Вначале он боялся к нам приходить и посылал своих телохранителей за продуктами. Но потом осмелел и постоянно ошивался вокруг нашего дома. Он приходил сам и пытался поговорить по душам с моей матерью. Однако очень долгое время никаких разговоров у них не получалось, Света только искоса глядела на мужчину и односложно отвечала на его вопросы, сама при этом ничего не задавала и не интересовалась. Но однажды ее прорвало. Это случилось в конце августа, когда по сведениям и слухам, немецкая армия полностью захватив Прибалтику, почти всю территорию Украины, Белоруссии и Молдавии, быстрыми темпами приближалась к Москве и окружила со всех сторон Ленинград.

Иван был немного подвыпивший, последнее время он очень часто отмечал победы Вермахта над Советской Армией. Это произошло вечером. Серёжка спал в своей кровати, а я помогал маме по хозяйству. Едва зайдя в дом Иван, даже не поздоровавшись, схватил меня за плечи:

– Почему ты со своим братом игнорируешь моего сына? Почему вы не хотите с ним играть? – заплетающимся языком спросил Иван.

Я растерялся, до этого времени мужчина никогда ко мне не обращался и делал вид, что не замечает. Из рта Ивана тянуло чем-то зловонным и неприятным. Я попытался освободиться из цепких объятий, но полицай еще сильнее схватил меня. Вся эта сцена происходило на глазах матери, она сразу же резко рванула к мужчине держа в руке кухонный нож.

– Отпусти ребёнка, изверг, – непримиримым голосом сказала она. – Как у тебя руки поднимаются обидеть мальчишку.

Иван, по всей видимости, не собирался мне делать что-либо плохое. Он сразу же отпустил меня и схватился за автомат, который ему любезно подарили немцы, чтобы он мог себя защитить.

– Положи нож, – зло прорычал он. – Я не собираюсь обижать твоего пасынка. Раньше ведь твои сыновья играли с моим. Почему сейчас они его игнорируют?

– А ты ни о чём не догадываешься? – спросила Света. – Это я им наказала, чтобы они даже не подходили близко к твоему Роберту. Незачем им играть с сыном предателя. Пусть тот играет с фашистами.

– Прибери свой язык, женщина, за такие слова можно иметь кучу неприятностей. Ни тебе, ни твоим отпрыскам я не сделал ничего плохого и разговаривать со мной в таком тоне не позволительно. Я здесь власть и могу сделать всё, что захочу.

– Слушай, Иван, шел бы ты подобру-поздорову и навсегда забыл бы дорогу к нашему дому, – Света положила нож на стол, она знала что Иван не станет причинять ей вреда. – Я отлично понимаю и чувствую, что тебе надо и почему ты приходишь сюда. Но ты зря надеешься на взаимность, ты мне никогда не нравился, а после того как стал предателем Родины и недавно.

Мне было страшно: Иван по-прежнему держал одной рукой приклад автомата. Впервые за всё это время, мама начала с ним разговаривать и, видимо, говорила какие-то неприятные вещи, так как Иван всё больше и больше начинал злиться.

– Иди к брату, – шепнула мне мама. – Закройтесь там и не выходите.

Однако, я в первый раз за всё это время ослушался ее. Я пошел к брату в комнату, но двери оставил открытыми, чтобы послушать, о чём же они там разговаривают?

– Ты говоришь о какой-то Родине, – непримиримым тоном заявил мужчина. – Для меня Родина закончилось в 18 году. Именно тогда, когда ваша бандитская власть оборванцев и неудачников забрала у моей семьи дом, пасеку, несколько гектаров пахотных земель, две коровы и прочее имущество. Мы по меркам Советской власти оказались очень богатыми и зажиточными и нас нужно было раскулачивать. Богатых не должно было быть в Советском Союзе все, должны были быть бедными и нищими, плохо работать и научиться воровать. Где сейчас наша пасека? Нет ее, разворовали, разбили, а ведь это была одна из самых лучших и больших пасек в районе. Уничтожить, разграбить – вот главные критерии вашей власти. Так, главное, этого им было мало. Ладно забрали, то что годами наша семья зарабатывала, так этого им показалось мало. Им нужны были жертвы, море крови и людских страданий. За что ваша власть убила моего отца? Только за то, что он не хотел отдавать то, что по праву принадлежит ему. И предал я не родину, а эту бандитскую советскую власть.

– Советская власть хотела сделать, как можно лучше. Она хотела сделать так, чтобы все были равны, никто бы не выделялся из общей толпы.

– Ты же ведь умная женщина, Света. Неужели ты не понимаешь, что люди разные изначально по своей природе и одинаковыми, похожими друг на друга они никогда не будут, какой бы строй не придумали: социалистический, коммунистический, утопический. У человека в крови заложено чем-то выделяться, быть непохожим на других, быть лучше остальных. Это человеческая природа и никакими декретами и законами её не отрегулировать. А Родина она осталась для меня родиной. И это озеро, и этот хвойный лес, и водопад, и эта дорога, ведущая через село. Это моя родина, я ее не предал, я не уехал и не бросил её. Я, сцепив зубы, молча стал служить этой власти. Хотя в глубине души ненавижу её и хочу, чтобы власть коммунистов быстрее закончилась. Может тогда у меня снова будет своя пасека, своё добротное хозяйство, своя живность, свой урожай. Кто не хочет работать пусть живут так, как им хочется. Почему человек, который не хочет работать на земле должен жить так же хорошо, как и я? Ответь мне на этот вопрос, согласно вашей коммунистической идеологии.

– Ради этого не стоило лизать задницу немцам. Они пришли на нашу землю убивать ни в чём неповинных людей и ты, вставший у них на службе, ничем от них не отличаешься. Ты убийца. Не надо прикрывать свою неизменную душу какими-то высокими идеалами и словами. Если уж ты так ненавидел советскую власть, то почему остался здесь жить, можно было уехать на запад.

– Я люблю эту землю, эту природу. Я люблю свой язык, свои традиции, свою веру. Не меньше, чем это любишь ты. Так, почему я должен уезжать отсюда? Только потому, что власть на этой земле захватила кучка глупых ублюдков, ничего не понимающих в государственном устройстве. Ты посмотри, как они уничтожают свой собственный народ, свой электорат. Немцы – то намного меньшее зло, чем Советская власть. Но теперь, слава Богу, всё изменится. Скоро восстановится частная собственность, снова будут богатые, которые будут вкладывать в свои богатства душу и силы и бедные, которые этого делать не захотят.

– Этого никогда не произойдет, – зло вскрикнула мама. – Несмотря на успехи немецкой армии, Советский Союз скоро сломает хребет фашистской машине. Ты посмотри, как народ поднялся на борьбу с этим злом.

Иван засмеялся:

– И ты веришь этой пропаганде. Ещё немножко, месяц-другой и война закончится. Сталин подпишет капитуляцию. И Советский строй исчезнет, не оставив и следа.

Света промолчала и только нервно теребила свой передник.

– Тебе нужно быть поласковой со мной, – Иван подошел к Свете и обнял её за талию.

Я, наблюдавший эту сцену, вдруг неожиданно почувствовал резкое отвращение. Как он может трогать руками мою маму? Как этот предатель смеет прикасаться к ней? Я уже готов

был броситься на него с кулаками, но понимал, что шансов сделать ему что-то неприятное нет. Мама, однако, не предприняла никаких попыток освободиться, она только сказала грозно:

– Руки не распускай, вот вернется Миша, он тебе задаст трепки.

– Наивная ты, – заулыбался Иван. – Не вернется твой Миша, не надейся. Скажи, почему ты выбрала его, а не меня. Что в нём такого особенного? Везет же некоторым. А я дарил тебе дорогие подарки, ухаживал за тобой, как джентльмен. Мишка, что? Деревня – деревней, глупый, необразованный мужлан.

До меня стало доходить истинный смысл его слов, я понял, что Иван хотел жениться на Свете, но она выбрала Мишу. Иван был мне противен с самого начала, я даже не мог представить его и тётю вместе. Тем более, он так нелестно отозвался о дяде Мише. Если бы Света вышла за него замуж, то не было бы он у нас с братом ни мамы Светы, ни папы Миши. Я молча сжимал кулаки и весь трясся от злобы, обиды и ревности.

– Если ты такой хороший, то почему Мария сбежала от тебя? – мама даже не пыталась освободиться от цепких объятий ухажера. – Даже сына своего не забрала.

– А ты как будто не знаешь Машку. Она же дура и проститутка, выскочила за меня замуж по расчету, знала, что у меня припрятаны кое-какие сбережения и драгоценности, но я её намерения сразу раскусил, – занервничал Иван. – Я же любил тебя и только тебя, а Машка воспользовалась моментом. Люда и Маша – два сапога пара. Обе гуляющие и беспринципные.

Я внутренне напрягся. Видимо, Иван говорил о моей матери. Люда – это моя биологическая мать. Я напряг слух, так как мне было очень интересно и я не хотел пропустить ни одного слова из их диалога.

– А ты совсем другая, – Иван еще крепче прижался к Свете. – Но ведь мы можем начать всё сначала. Я обещаю тебе, что буду хорошим мужем и мы вместе будем воспитывать твоих пасынков.

– Ни в коем случае, – запаниковал я. – Неужели мама согласится на это. Я не хочу другого папы, кроме Миши. Тем более, если им станет эта сволочь.

Я весь кипел от злости и ненависти. Ещё немного и я перестану себя контролировать. Я выскочу и вцеплюсь этому ублюдку в горло.

– Слушай, отстань от меня. Я свой выбор сделала и не собираюсь за спиной мужа крутить интригу на стороне, тем более с таким человеком, как ты. Ты мне противен, – на этот раз тётя Света отстранилась от Ивана и всем своим видом дала понять, что подобных вольностей больше не допустит.

– Молодец, мама, – похвалил я её и опустил кулаки.

– Не торопись с ответом. Ты же понимаешь, что я твоя надежда и опора и, пока я жив, тебе бояться нечего. Тебя и твоих пасынков никто не тронет, тем более Серёжка, скорее всего, мой сын.

Я не поверил своим ушам. Неужели Иван произнёс это. Неужели он действительно является биологическим отцом моего брата Я не понимал, что происходит и как всё запутано в их взрослом мире.

– Ты сам это придумал или тебе кто-то рассказал, – засмеялась мама. – Неужели Людка с тобой переспала.

– Ты как будто не знаешь, что она гуляла с половиной села. Посмотри, Серёжа похож на меня, как две капли воды.

– Ты пьяный, Ваня, он абсолютно на тебя не похож. Я догадываюсь, кто его отец, но до поры до времени, буду молчать об этом. И как твоя Маша отреагировала на то, что ты изменяешь ей?

– А ей, по-моему, было всё равно. Она даже перестала спать со мной Зато гуляла направо и налево. Мне ведь мужики всё рассказывали, как она себя ведет.

– Так надо было задать ей перцу, вполне возможно, что немного утомилась бы. Ведь ты же мужик, хозяин в доме.

Иван иронично посмотрел на собеседницу и заметил:

– Разве это помогло бы. Таких женщин уже не исправишь. Да, и не любил я её вовсе. Вот ты совсем другая: порядочная, хозяйственная, умная.

Иван попытался снова приблизиться к женщине, но Света пресекла эту попытку, оттолкнув мужчину в сторону.

– Рано или поздно ты всё равно будешь моей. У тебя просто нет другого выбора, – злобно прошипел Иван.

Прежнее чувство ненависти к этому человеку вернулось. Я снова сжал кулаки. Но, видимо, мама и Иван разговаривали очень громко, так как в самый неподходящий момент проснулся мой брат. Увидев меня на пороге своей комнаты, он неожиданно спросил:

– А что случилось?

– Тише ты, – шепотом сказал я и подошел к его кровати, – Не шуми, прошу тебя.

Серёжка спросонья не понимал, что происходит, но когда он услышал, что на кухне кто-то разговаривает, снова спросил, но уже шепотом:

– К нам кто-то пришёл?

– Да, – я едва пошевелил губами. – Там полицаи разговаривает с нашей мамой.

– Что ему здесь надо? – заволновался мой брат и повысил на полтона голос.

Я зажал его рот ладонью и снова попросил:

– Пожалуйста, не шуми, я подслушиваю их разговор.

– Ага, – заговорщицки проговорил Сергей и, сладко зевнув, повернулся на другой бок.

– Ты всё-таки подумай над моим предложением, – продолжал настаивать Иван. – Сейчас очень беспокойное время, мало ли что может произойти. Фашисты не будут церемониться ни с кем: ни с детьми, ни с женщинами. Война, понимаешь. Человеческая жизнь сейчас не стоит ни гроша: ни твоя, ни моя, ни твоих отпрысков. Подумай хорошо, я смогу тебя защитить, если понадобится. Ты же видишь, я имею власть и в хороших отношениях с немцами.

– Иди уже к себе, – махнула рукой Света. – Я подумаю.

– Вот это совсем другой разговор, – обрадовался Иван. – Однако, долго не думай, я не собираюсь ждать до бесконечности.

Как только Иван вышел, женщина обхватила лицо руками и зарыдала.

– Боже мой, – причитала она. – Когда это всё кончится, я так устала.

Мне стало жаль маму, я не выдержал и выскочил к ней.

– Мамочка, что с тобой, – мне тоже очень хотелось плакать, но я сдерживал себя. – Не расстраивайся ты так. Я защищу тебя от этого гада. Если он сюда еще раз явится, я ударю его ножом.

Мама перестала рыдать и отстранилась от меня:

– Не говори ерунды, прошу тебя. Ты не понимаешь, как тяжело убить человека, даже такого нехорошего, как Иван. Не надо держать в себе злобу и ненависть – это плохие чувства и лучше от них избавиться, так как они привлекают к себе несчастья и болезни. Если ты убьешь человека, то становишься убийцей. И тебя уже не остановить. Ты будешь убивать дальше и дальше, пока кто-нибудь не убьет тебя.

– Сейчас же война, мама, – я никак не ожидал такой реакции. – Им, значит, можно нас убивать.

– Никому нельзя убивать – это страшный грех. Люди, которые взяли на себя этот грех будут рано или поздно покараны. Но наши мужчины вынуждены были взять в руки оружие и убивать, так как они защищают свой дом, свою землю, своих родных и близких. Скажи, ты подслушивал наш разговор. Я ведь тебе велела закрыть дверь. Зачем тебе взрослые разговоры?

– Мне было любопытно, – сказал я виновато и заплакал.

Мама прижала меня к себе, начала гладить по голове и тоже плакать.

– Ты только никому не рассказывай о нашем разговоре, даже своему брату.

– Это правда, что Иван его отец, – спросил я, рискуя навлечь гнев матери.

– Ты понял это с нашего разговора, – Света перестала плакать и вытерла слезы. – Какой же ты у меня стал взрослый и смысленый. Люди иногда делают глупости, а иногда говорят глупости. Иван не может быть отцом Сергея. Ты был еще совсем маленький, когда к нам в гости стал захаживать высокорослый молодой мужчина из соседнего села. У него были очень серьезные намерения относительно твоей мамы, хотя он и был младше её на несколько лет. Хороший был человек, внимательный, ласковый, добрый, но Люду уже не переделаешь. Поняв свою ошибку, этот мужчина исчез также быстро, как и появился. Вот он, скорее всего, и является отцом Сергея. По крайней мере, Сергей очень похож на него.

– А, кто тогда мой отец?

– Я не знаю точно. Но тебе этого не обязательно знать. У тебя есть я и папа Миша. А твой отец, видимо, не очень хороший и порядочный человек.

– Такой же, как Иван?

– Да. Такой же, как Иван. А ты представляешь, сынок, я когда-то давным-давно любила этого человека. Как же я могла так ошибаться? Как иногда внешнее содержание человека не соответствует его начинке.

Мама стала изъясняться таким непонятным для меня языком, что я решил прервать её размышления. Я задал вопрос, на который больше всего сейчас хотел получить ответ:

– Мамочка, ты же не согласишься стать его женой?

Моя наивность немного развеселила маму, она ещё крепче обняла меня и шепнула на самое-самое ушко:

– У меня уже есть муж. Мне одного хватит, а с Иваном я как-нибудь разберусь. Главное, пусть и дальше думает, что Сергей его сын. Может отцовские чувства немного охладят его пыл.

Глава 6

– Как дела у лучшего следователя в городе?

На этот раз Коршунов решил не отвечать традиционно на этот вопрос. Он только грустно махнул рукой и произнес:

– Дела не очень хороши.

– И что же случилось? – заинтересованно спросил Антон.

– Как назло, начальник задал много бумажной работы, а заниматься расследованием велел только в свободное от работы время. А где мне взять это свободное время, если даже вечером занимаюсь этой писаниной, – Виктор ненавистно отбросил в сторону несколько бумаг.

– Он, наверное, специально так сделал, да?

– Скорее всего. Через дней десять будут готовы результаты экспертизы, и он потребует сдать дела в архив. Эх, ничего у нас не получится с этим расследованием.

– Не отчаивайся, ты так скажи, что тебе нужно и я помогу тебе, – с готовностью предложил Антон. – Ты мне не дашь посмотреть дело мальчика?

– Конечно дам, пошли в мою комнату. Но там ничего нового нет. Оба дела очень похожи, я еще больше удивляюсь, почему их не объединили.

– А у прошлых следователей что-то можно узнать?

– Теоретически можно, хотя это у нас не приветствуется. Жаров стал главным следователем Одесской областной прокуратуры и поговорить с ним по душам не получится, можно нарваться на крупные неприятности. А Немчанинов уже на пенсии. Он такой старикашка, что выведать у него что-нибудь большая проблема.

– Как у вас всё запутано, – мрачно констатировал Антон. – Вот у нас всё прозрачно, всё открыто, никаких тайн и сплетен.

– Что ты говоришь? У вас разве нет конкуренции, нет честолюбивых помыслов стать самым лучшим, самым именитым, самым востребованным журналистом.

– Да, есть такое, – утвердительно кивнул головой Антон. – Но мы в сложных случаях приходим на помощь друг другу. Конечно, это всё делается не бескорыстно, но всё-таки.

Друзья засиделись до позднего вечера. Виктору и этой ночью было видение. Началось оно с того же места, как закончилось в прошлый раз. Теперь Коршунов хорошо разглядел всю обстановку лагеря. Вот он увидел знакомые лица Вовы и Дениса, они стояли в окружении нескольких девушек и мило беседовали с ними. Виктор сразу же догадался, что это первая их встреча и они, видимо, знакомятся друг с другом. Это было действительно так.

– Владимир, можно просто Вова, – парень протянул одной из девушек руку.

– Валя, – представилась девушка.

Так вот ты какая Валя Давидян, – подумал Коршунов. – Действительно очень симпатичная.

Вова не обманул: Валя действительно темноволосая и курчавая, у неё была очаровательная улыбка и милый взгляд.

– Недаром оба парни влюбились в неё, – мелькнула мысль у следователя. – Мимо такой девушки пройти очень сложно. Что-то есть гипнотически притягивающее в ее внешности и голосе. Но, что? На этот вопрос Виктор пока не мог дать никакого ответа.

– Денис, – представился второй парень и тоже подал Вале руку.

– Очень приятно, – сказала девушка, едва заметно улыбнувшись.

Коршунов очень внимательно стал разглядывать внешность Дениса. Кто сказал, что оба парня очень похожи друг на друга.

Вова высокорослый, с правильными чертами лица, которое портил шрам на левой щеке. Он был более заметен, чем десять лет спустя. Денис же ниже среднего роста, коренастый, но тоже довольно симпатичный.

Девушек было несколько, но Виктор намётанным взглядом определил, что Валя была самой красивой среди них.

– Инна, – невысокого роста девушка подала Денису руку и кокетливо потупила взор. – Я надеюсь мы станем друзьями. Не заметишь, что этой девушке сразу же понравился Денис мог только слепой.

Однако Денис равнодушно пожал руку девушке и пошёл знакомиться с остальными.

Теперь Виктора заинтересовала Инна. Нет, она тоже была симпатичной, с длинными светлыми волосами, вздернутым кверху носиком, большими выразительными глазами и первоклассной фигурой.

Но Виктору она не понравилась. Совсем другое дело Валя. Нет, определенно, в этой девушке есть что-то завораживающее и таинственное.

Парни продолжили знакомиться, но Виктору это уже было неинтересно. Молодые люди постояли еще немного, поговорили, а потом их позвала старшая пионервожатая к себе в кабинет. Дальше видение почему-то прервалась и Коршунов был очень недоволен. Он отчаянно повернулся на другой бок и видение снова возобновилась, но уже с другого места. Виктор увидел, как Инна и Денис, получив постельное белье, застилают кровати для подопечных.

– Ты не совсем правильно делаешь, – сделала замечание девушка. – Вот, посмотри, как надо. Она очень ловко и быстро просунула подушку в наволочку, при этом слегка обняв молодого человека. Денис, конечно, это заметил, но никоим образом не отреагировал. Инна продолжала оказывать Денису знаки внимания.

– Давай будем застилать по одной кровати вместе, так будет быстрее, – предложила она. – Ты будешь застилать простынь, у тебя это получается хорошо, я займусь подушкой, а потом мы вместе просунем одеяло в пододеяльник. Может, это было действительно и быстрее, но Инна преследовала совсем другую цель – она хотела, как можно ближе находиться рядом с парнем. Денис, видимо, это понимал, но никак не реагировал.

– Странно он себя ведёт, – подумал Коршунов. – Девушка чуть ли не на шею вешается, а он холоден и равнодушен.

Когда постели во всех палатах были аккуратно заселены, Инна не выдержала и разочарованно спросила:

– Скажи, я разве тебе совсем не нравлюсь?

Большие груди Инны то поднимались, то опускались от волнения, но Денис даже не взглянул на них. Он растерялся, не зная, что ответить девушке, чтобы не обидеть её. Однако Инна и не думала получить ответ сейчас, она скромно опустила голову и проговорила:

– Я так рада была, что мы попали вместе с тобой в один отряд. Я думала, что это судьба. Скажи, что мне сделать, чтобы ты был более благосклонен со мной. Мне очень неприятно, когда парень, который мне понравился с первого взгляда не обращает на меня никакого внимания. У тебя разве есть любимая девушка?

– Нет, – сухо ответил Денис и тут он наконец-то внимательно посмотрел на Инну и добавил. – У меня была девушка, но она вышла замуж за другого. Это произошло еще на первом курсе.

– Она глупая, – сразу же оценила её умственные способности Инна. – На ее месте я бы выбрала тебя.

Денис улыбнулся:

– Я не сомневаюсь, что ты очень хорошая девушка, но давай первое время будем друзьями и коллегами. Я, честное слово, не готов еще в тебя влюбиться.

– Давай будем друзьями, – с некоторой долей разочарования согласилась Инна. Она всё надеялась, что дружба плавно перерастет в любовь. Но она ошиблась. Сердце Дениса с первой же минуты их знакомства заняла другая девушка.

Видение снова рассыпалась на мелкие кусочки, но тут же возобновилось совсем с другого места. Виктор увидел, как отряды расположились на асфальтированной площадке перед флагштоком. Впереди каждого отряда стояли по двое вожатых и воспитатель. В центре площадки находилось звено горнистов и барабанщиков, старшая пионервожатая находилась рядом и торжественно объявляла в микрофон:

– Первую смену пионерского лагеря «Березка» торжественно объявляю открытой и разрешаю поднять красное знамя над лагерем.

Несмотря на всю краткость этой речи, выглядела она очень официальной и серьезной. Тут же горнисты и барабанщики заиграли марш, и четверо вожатых вынесли на середину большой красный флаг, а все пионеры отдали пионерский салют. Старшая пионервожатая зацепила края флага за направляющие флагштока и быстро подняла его. Тут же раздались аплодисменты.

– У меня есть ещё маленькое объявление, – сообщила старшая пионервожатая. – Завтра к нам привезут отряд детей из школы-интерната. Они будут распределены по всем отрядам примерно равномерно, согласно возрастным категориям. Прошу принять их достойно и максимально вежливо. Поймите, что у этих детишек очень тяжёлое детство и с ними надо быть корректными и ласковыми. С ними должны приехать их воспитатели, поэтому теперь в каждом отряде будет по два пионервожатых и по два воспитателя.

В следующей сцене Виктор видит, как на территорию лагеря въезжает большой автобус и из него выходят несколько десятков детей. Это прибыли воспитанники школы-интерната. В отряд Дениса и Инны попали пятеро мальчиков и трое девочек. Коршунова пытался понять, кто из мальчиков является Мишей. И только, когда Инна начала спрашивать детей, как их зовут, Виктор удовлетворил свое любопытство. Миша был невысокого роста и ничем особенным не отличался от других детей. Во время беседы с вожатой он всё время отводил глаза куда-то в сторону и почти не улыбался. Он хоть и был симпатичным мальчиком, но публично не выражал никаких эмоций. Этакая красивая гипсовая маска с одним и тем же выражением лица. Впрочем, Виктору мальчик понравился, несмотря на его эмоциональную бедность. Другие дети из школы-интерната были намного интереснее, но Коршунова, из-за его профессиональной деятельности, был интересен только Миша. Денис отвел мальчиков в палату, показал им где они будут спать и где могут оставить свои вещи, а после этого все дружно пошли на обед. Следователь ещё рассчитывал что-нибудь увидеть сегодня, но видений больше не было. Коршунов проснулся из-за того, что зазвонил будильник. Он так до конца не понял, были ли эти видения обыкновенным сном или это было что-то другое. По крайней мере, Виктор знал, что сновидения не бывают такими яркими, с мелкими подробностями и сразу же забываются после пробуждения. Молодой человек был разбит, подавлен. Ему, конечно, нравились увиденные подробности пребывания Дениса в пионерском лагере, но до конца не знал, правда это или нет. Человеком, который мог ему помочь в разрешении этой загадки был Вова, и Виктор, недолго думая, позвонил ему.

– Жена уехала к теще с детьми. Она часто так делает, – сказал Вова, пропуская Виктора на порог своего дома. – Она из многодетной семьи. У неё шесть братьев и сестёр и они все семейные праздники собираются вместе, правда, почему-то без вторых половинок, но меня это не сильно напрягает. Я, иногда, хочу побыть в одиночестве.

Виктор сразу же стал озираясь по сторонам – сказывалась профессиональная привычка замечать всё, что доступно взору. Двухкомнатная квартира Вовы ничем примечательным не выделялась среди тысяч таких же квартир в городе и обставлена она была по моде восьмидесятых годов. Вова заметил интерес гостя к своей квартире и, как бы извиняясь, заметил:

– К сожалению, учительская зарплата не позволяет менять интерьер квартиры.

– Кем работает твоя жена? – спросил Коршунов.

– Где может работать женщина, имеющая высшее техническое образование в наше время, – махнул рукой Вова. – Больше, чем место продавца в магазине ей не светит. Знаешь, на Заречанской есть детский магазин «Bambino» называется, вот там она и работает. Хозяин жмот, зарплату нормальную платить не хочет, а ищет причины как бы не доплатить или не заплатить совсем. И попробуй, пойдешь кому-то пожалуешься. Он – частник, что хочет то и делает. Так с чем ты пожаловал ко мне? Я пойду, поставлю чайник попьём кофе или чай, а может ты хочешь что-нибудь покрепче. У меня есть бар и напитки на любой вкус.

Перехватив недоумённый взгляд, Вова без всякого стеснения продолжил:

– Понимаешь, когда начинается пора экзаменов, некоторые родители вдруг понимают, что их детям нужны более высокие оценки, чем те, которые они имели на протяжении года. Вот и приходится брать такие гостинцы. Хотя я совсем не пью. Это я тебя не как следователю говорю, а как другу.

– Не переживай ты так, – Коршунов похлопал собеседника по плечу. – Я не собираюсь привлекать тебя к ответственности за коррупцию. Меня в данный момент интересует совсем другое. Я тоже, кстати, не любитель спиртного.

Вова совсем не переживал за свои слова, он бросился на кухню, включил чайник и вернулся в комнату неся на подносе упаковку чая, железную банку с кофе и сахаром, а также две кружки и чайные ложки.

– Скажи, ты ведь помнишь самую первую встречу в лагере с девушками. Вы стояли у входа в комнату старшей пионервожатой, это правда?

Вова неопределённо поджал губы и дернул плечами:

– Может быть, я уже точно не помню.

– Ты не помнишь, как вы знакомились с девушками?

– Слушай, прошло столько времени. Неужели ты думаешь, я могу помнить какие-то мелкие подробности. Я помню, как гулял по лесу с Валею, как с отрядом собирали землянику, как спасали одного мальчика, который наелся сыроежек, как водил детей на речку купаться. Помню, как мои пацаны играли в футбол против третьего отряда и проигрывали по ходу встречи, но всё-таки вырвали победу. Помню, как готовились к разным конкурсам и мероприятиям, как во время «Зарницы» потерялась одна девочка и мы её искали почти целый час, как я был членом жюри конкурса «Живая картина» и «Мисс лагеря». Я много чего помню, но, извини, мелкие детали и подробности не задерживаются в памяти надолго.

– Хорошо. Тогда вспомни, пионервожатые сами застилали постели для детей?

– Конечно, так было принято. Мы ведь приехали за день до начала смены. Сначала вожатых и воспитателей распределили по отрядам, дали списки детей, потом мы получили постельное бельё. Да, именно так и было.

– Дети со школы-интерната приехали позже остальных?

– Да, они приехали на следующий день после торжественного открытия смены.

– Старшая пионервожатая сообщила, что придут дети из школы-интерната именно на торжественной линейке открытия? – продолжал задавать вопросы следователь.

– Ух, утомил же ты меня своими вопросами. Может быть, но я точно не помню. И откуда ты знаешь такие подробности?

– Это неважно, – отмахнулся Виктор. – Мне нужно кое-что проверить, поэтому я здесь.

– Кажется, чайник закипел, – воскликнул Вова и бросился на кухню. – Так тебе, что: кофе или чай?

– Спасибо, я пожалуй не буду, – Коршунов почему-то расстроился. – Скажи, ведь Инна с самого начала стала проявлять интерес к Денису?

– Наверное, они ведь попали в один в отряд, – неопределённо пожал плечами Вова. – Знаю точно, что Денис ей был равнодушен. По её поведению это можно было сразу определить. Но я не вникал в их отношения. Помню только – в конце первой смены Инна заявила при всех, что она бы с радостью перевелась на другой факультет только ради того, чтобы быть поближе к Денису.

– И как на это отреагировал твой друг?

– Никак. Он равнодушно сказал, что это личное дело Инны куда ей переводиться. Для всех такой ответ был шокирующим, никто даже предположить не мог, что Денис окажется таким черствым к чувствам других людей. Такого даже я от него не ожидал.

– Как бы мне хотелось поговорить с этой Инной, – невзначай заметил Виктор. – Может она живет в этом городе. Ты никогда не встречал её на курсах повышения квалификации, на каких-нибудь конференциях.

– Нет, не встречал. Я же сказал, что понятия не имею, где она сейчас. Вероятность того, что она живет в нашем городе практически равна нулю, ведь насколько я знаю, она приехала учиться из соседней области, скорее всего её надо искать там. Ты следовательно, разве не можешь найти человека, который тебе нужен.

– Точно, – стукнул себя по лбу Коршунов. – Пионерский лагерь принадлежит заводу металлоконструкций. Там в архиве, наверняка, есть документация о деятельности пионерского лагеря. Может там есть адреса всех тех, кто там работал.

– Проблема только в том, что завод металлоконструкций уже почти не работает, – сказал Вова, отхлёбывая ароматный чай. – Насколько я знаю, и пионерского лагеря уже на том месте нет. Его закрыли на реконструкцию и ремонт, но в связи с отсутствием средств заморозили все капиталовложения.

– Расскажешь, как он выглядел этот пионерский лагерь.

– А зачем рассказывать, я тебе могу его показать, у меня осталось много фотографий.

Уже через несколько минут Вова принес большой фотоальбом и стал его листать.

– Это мы на фоне нашего корпуса. Меня-то ты узнаешь. Кажется, совсем не изменился. Это Денис. Это Валя, Ангела со второго отряда, Вика с третьего, моя напарница толстуха Жанна. А это Света, Галя, а вот и Инна.

В принципе, одной фотографии для Виктора было достаточно. Видения действительно были реалистичными и правдоподобными. Именно, внешность девушек на фото и тех, что пришли к нему в видениях, была идентичной, хотя он никогда с ними не был знаком. А главное, корпус выглядел точно так же. Это не мог быть простой сон, это было что-то более таинственное и загадочное. Коршунову стало вдруг не по себе. Неужели он обладает каким-то особым даром и может видеть прошлое, даже если оно не связано непосредственно с ним самим. Вова продолжал листать альбом и рассказывать о каждой фотографии, но Виктору уже было неинтересно. То, что он хотел узнать – он узнал и эти знания не прибавили ему уверенности, а наоборот заставили встревожиться и заволноваться.

– Это не поддается никакому логическому объяснению, – размышлял Коршунов. – Но, если я такой предсказатель, то может быть в следующих видениях мне предоставят адрес Вали или Инны. С кем бы мне больше всего хотелось поговорить? Наверное, с Инной. Она всё-таки была немножко ближе к Денису. Нет не эмоционально, а физически. Они работали вместе в одном отряде и наверняка Инна смогла бы рассказать о Денисе немного больше, чем Валя.

– Ты по-моему совсем не слушаешь, – раздался недовольный голос Вовы. – Я тебя спросил: «Ты когда-нибудь отдыхал в пионерском лагере?», а ты о чём-то задумался.

– Это было один раз, мне почему-то там не понравилось, – нехотя ответил Виктор, прерываясь от тяжёлых раздумий.

– А, что так?

– У нас в отряде отдыхал парень, сын какого-то большого начальника. Он был очень заносчивым, эгоистичным и любил покомандовать. В результате обстановка в отряде была накалена и нездорова. Я невзлюбил его с самого начала, один раз мы с ним подрались. Так, не очень сильно. Меня сразу же вызвали к начальнику лагеря и предупредили, что за подобные действия поставят в известность моих родителей и, даже возможно, исключат из лагеря. Я пытался доказать, что не я первый начал драку. Но «шестёрки» этого парня в один голос доказывали противоположное, на мою сторону не встал никто. Чувствуя такую несправедливость, я замкнулся в себе и до конца смены ни с кем не разговаривал, ни с кем не играл и ни с кем не дружил. Я понимал, что это был единичный случай, действительно, в лагере хорошо и весело, но второй раз ехать туда я не пожелал.

– И где ты отдыхал?

– Лагерь «Надежда», Херсонская область. На берегу моря.

– А я отдыхал несколько раз. Совсем другие ощущения, когда ты школьник, а когда приезжаешь туда работать вожатым. Разница колоссальная.

– И, что тебе больше понравилось: быть вожатым или пионером?

– Конечно вожатым, совсем другой эмоциональный и психологический настрой. Жаль, что два месяца пролетели так быстро, а на следующий год практика у нас была уже в школе.

– Мне нужно идти, – сказал Виктор. – У меня дела. Я обещаю, что мы с тобой еще встретимся и поговорим.

Вова захлопнул альбом и не стал просить гости остаться ещё немножко, он сказал «пока», пожал руку Виктору и провел его до дверей.

– Станный он какой-то сегодня, – подумал Вова и продолжил рассматривать альбом.

Несмотря на поздний час, Константин Иванович находился в своём кабинете. Он неодобительно взглянул на своего подчинённого и процедил сквозь зубы:

– А это ты, проходи, присаживайся.

Откладывать дело в долгий ящик Виктор не стал и выложил на стол документы.

– Что, уже всё сделал? – удивился начальник. – Видишь, когда хочешь работать – работаешь. Ладненько, давай, что там у тебя?

Константин Иванович стал перебирать бумаги, периодически выкрикивая: «Ага, ага» или «Очень хорошо».

Когда просмотр был закончен, начальник снова посмотрел на Коршунова и с неохотой, но всё-таки похвалил его.

Виктору конечно было приятно похвала начальства, но он не за этим сюда пришел.

– Константин Иванович, можно я на недельку возьму отпуск, – спросил он нерешительно.

– Чего это тебя так приспичило? – начальник снисходительно посмотрела на молодого следователя. – Я не имею права тебе отказать. Отдавай дела пропавшего вожатого и мальчика следователю Кузину и можешь отдыхать.

Виктор замешкался, совсем не то он хотел услышать от Константина Ивановича.

– Разве обязательно отдавать эти дела кому-то другому?

– Таков порядок, если человек уходит в отпуск, то его делами занимается другой следователь.

– Но я хотел...

– Слушай, не морочь мне голову, – вскипел начальник. – Я ведь отлично понимаю, зачем тебе отпуск. У тебя ведь нет времени заниматься этими делами десятилетней давности. Какой ты наивный! Кому и что ты хочешь доказать? Что ты великий следователь? У тебя ведь ничего не получится, поверь мне.

– Я уверен, что смогу раскрыть это преступление, – твердо заявил Коршунов.

– А если нет. Представляешь, в какое положение ты себя поставишь передо мной, перед коллегами. Вот, тогда я над тобой поиздеваюсь. Всё, что было в наших отношениях до этого просто ягодки.

– А если я раскрою это дело, то ваше отношение ко мне изменится в лучшую сторону? – спросил Виктор.

Константин Иванович оценивающе посмотрел на своего подчиненного и иронично улыбнулся:

– Какой же ты дурак! Кому нужно это дело десятилетней давности, если у нас вон десятки нераскрытых дел.

– Но ведь вы не даёте мне заниматься чем-то более серьезным, – возразил Виктор.

– И правильно делаю. Тебе нельзя доверять каких-то серьезных дел, ты еще очень молод и некомпетентен. Тебе ещё учиться и учиться у других, не надо бежать впереди паровоза, а то он может ненароком задавить тебя.

Это была, конечно, не угроза, а шутка и Константин Иванович надеялся, что Виктор для приличия хотя бы улыбнётся, но он был очень серьезен и вдумчив.

– Какой же ты упертый! Хотя в нашей профессии это уже не такая плохая черта. Ладно, занимайся пока своим расследованием, я не буду тебе давать дополнительную работу, впереди выходные. Если захочешь я тебе дам один-два дня отгула, но не больше. И ни о чём меня не проси, я не собираюсь тебе помогать. Свободен.

– Спасибо, – поблагодарил Коршунов и выскочил из кабинета.

– На выходные надо будет поехать на место преступления, – подумал он. – Если видения продолжатся, то в один прекрасный день я точно узнаю, что произошло.

Видение продолжилось и в этот вечер. Денис увидел, как Вова начал ухаживать за Вале́й. Он подарил ей шоколадку и предложил после отбоя прогуляться по территории лагеря. Хотя это было не очень красиво, но Денис стал наблюдать за ними. В принципе, молодые люди не делали ничего предосудительного, они просто шли рядом и разговаривали. Однако, Денис не смог подавить в себе чувство ревности и на следующий день он подошел к Во́ве и безапелляционно заявил:

– Оставь девушку в покое, она моя.

– С чего это вдруг? Это она тебе так сказала, – удивился Во́ва.

– Я на тебя очень сильно обижусь, – ультимативно произнес Денис. – Если ты не перестанешь за ней ухаживать и увиваться.

Во́ва неопределённо пожал плечами:

– Мне она очень нравится. Почему я должен тебе её уступать? Ты с таким же успехом тоже можешь ухаживать за ней. Я ревновать не буду и уступлю только в том случае, если Валя меня попросит об этом.

– Я тебя предупредил, – зло прошипел Денис. – Ты себе можешь найти другую. А Валя будет моей и скоро ты услышишь это из ее уст.

Виктор видел, как Денис тяжело переживает, казалось бы, незначительное событие. Во́ва, кажется, решил подзадорить приятеля, постоянно находя повод побыть рядом с Вале́й. К вечеру Денис окончательно слетел с катушек. Он остановил Ва́лю, когда-то собиралась на очередное свидание с Во́вой:

– Ты бы не связывалась с ним. Он очень нехороший человек и у него плохая репутация. Он влюбляет в себя девушек, а потом бросает их.

Девушка вскинула вверх глаза:

– Очень странно слышать это от тебя, я думала вы друзья, по крайней мере все так говорят.

– Он мне не друг, это неправда. Друзья так не поступают Ты мне тоже очень нравишься, а он хочет увести тебя от меня.

– У нас ведь с тобой ничего не было и я не давала тебе никакого повода так думать. Я пока не принадлежу ни тебе, ни ему и твой разговор очень странный.

Юноша неловко попытался обнять Валю и шепнул ей прямо на ухо:

– Я надеюсь, ты сделаешь правильный выбор. Вова не тот человек, который тебе нужен, он ненадежный. И вообще, выдает себя не за того, кто он есть на самом деле.

Девушка отстранилась от парня, глянула тому прямо в глаза и сказала:

– Я как-нибудь сама разберусь со своими чувствами.

С этого дня Денис немного преобразился. Теперь он уже не давал прохода Вале и, как мог, оказывал ей всяческие знаки внимания. Фактически, тоже делал и Вова. Девушка прямо разрывалась между двух парней, ей приходилось по очереди ходить с ними на свидания. Но если Вова такую конкуренцию воспринимал спокойно, то Дениса аж корбило оттого, что Валя не всё время была рядом с ним.

Пикантность этой ситуации придавало еще то, что возле Дениса постоянно увивалась Инна, которая видела, что сердце её любимого постепенно захватывает другая девушка. Инна тоже ревновала, но старалась этого не показывать.

– Странная ситуация, – подумал Виктор. – Уж не любовный ли треугольник стал причиной исчезновения Дениса. Хотя Вова пытается доказать обратное. Ведь недаром, высшие силы показывают мне эти видения. Это не может быть простой случайностью.

Следующее видение совсем не было связано ни с Валею, ни с Инной, ни с Вовой. Коршунов увидел, как через село проходит Денис, через плечо которого перекинута большая дорожная сумка. Навстречу ему едет мальчик на велосипеде, который здоровается: «Добрый день». «Добрый», – отвечает Денис и идет дальше. Молодой человек очень быстро проходит село, которое оказывается не очень большим, около двух десятков домов и подходит к водопаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.